

Николай Тобош

МАНАС

Великая война

Книга седьмая

Николай Тобош

МАНАС
Великая война

Книга седьмая

Издание электронной книги:

Проект электронного книгоиздания «Атанор» (atanor-ebook.ru)

2020

© Тобош Н., 2020

© Верстка. ИП Баистракова Т. В., 2020

Оглавление

Николай Тобош МАНАС. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

На пути в Бейджин

Разведка

Начало войны

Малая война

Большая война

Великая война

Послесловие

Словарь кыргызских слов

Посвящается светлой памяти Ашыма Жакыпбекова

*Сказанье древней старины
Живет сегодня в наши дни.
Рассказ без края и конца
Народ кыргызский создавал,
В наследство сыну от отца
Из уст в уста передавал.*

Мар Байджиев

На пути в Бейджин

Войско численностью в триста туменов шло, огибая Алтайские горы. Прошло сорок дней и ночей с того времени, когда войско перевалило через Суусамыр на Чуйскую долину. Двигаясь по просторам благодатной земли, оно взяло направление в сторону долины Или через Кордайский перевал. Остались позади земли Огуз-Кечуу, Калкан и Жугон-Таш. Проехало войско земли Кара-Саз, Жуйурмо и Сары-Кыя. Войско пока еще не знает усталости, пока оно с бодрым и боевым настроением. Перед глазами постоянно туманилась черта между небом и землей. Видна была только пелена, что загадочно укрывала что-то неизвестное и страшное. Далее войско проехало земли Шарпылдак, Чук Терек и Эгиз-Кара. Алтайские горы остались позади. Нужно было вести войско к Чет-Бейджину со стороны северных земель, чтобы быстрее добраться до острова Мангуба, где готовилось калмыками, манжу и жунгарами страшное оружие против человечества — племя чудовищ сазаншон. С чудовищами племени сазаншон будут сражаться только обученные для этих целей аскеры Кобиша в количестве семи туменов. Остальные едут для вида, для устрашения жайсанов Эсенкана, если Эсенкан будет препятствовать войне бурутов с чудовищами сазаншон с острова Мангуба.

Из-за своего возраста Кыргыз ранее попросил Манаса освободить его от обязанностей главы всех чоро, о чем в настоящее время очень горько сожалел, ведь его теперь никто не слушал и не принимал всерьез его замечания и хлопоты. Даже стали его кликать «Кыргыз чалем», что означало «Кыргыз-старик». И теперь Кыргыз-чал не может принять какие-нибудь решения и дать советы Манасу. И Манас тоже не тот, что было раньше. Он тоже не принимает никаких решений, добровольно стал простым аскером в десятке чоро Тазбаймата. Теперь каганом всех кыргызов выступает Бакай, которого избрали все ханы каганата. Бакай назначил Алмамбета главным аскербашы всего объединенного войска каганата. Конечно, каган Бакай сделал выбор непростой. Очень сложно выбрать воина на должность главного аскербашы. Он должен обладать множеством знаний и способностей, которые привели бы войско к желаемой победе без особых потерь. Этой должности были достойны многие ханы и богатыри — жоро Манаса. Кокче, Чубак, Сыргак и многие другие чоро и беки. Алмамбет превосходил всех умением управлять погодными условиями на местах и знанием всей окрестности Кангайских земель и самого Чет Бейджина до земель Тюп Бейджина. Его умение управлять погодой восхищало всех ханов и знать каганата. Все были свидетелями того, как жаркое лето вдруг превращалось в лютую зиму и наоборот по воле Алмамбета.

И теперь, в военное время, каган Бакай тоже должен подчиниться решениям Алмамбета беспрекословно.

Теперь те, у кого возникали вопросы и какие-нибудь пожелания, обращались к десятникам, а десятники — к сотникам. Сотники в свою очередь — к тысячникам, а тысячники — к туменбаши. К Алмамбету могли обратиться только туменбаши.

Кыргыз-чал числился в десятке воинов Бозуула, который тоже из-за своей лени не смог сохранить за собой прежние обязанности тысячника. Уже второй день мучился Кыргыз-чал. У него натерлись поверхности бедер до крови. Он не мог сидеть на коне. Ему приходилось постоянно приподыматься на стременах, чтобы бедра не соприкасались с седлом. Ему казалось, что все аскеры мучаются такой же «головной» болью, как и он сам. Поэтому он решил сказать свою жалобу Бозуулу, чтобы он донес ее до главы войска через цепочки главных людей, от десятника до туменбаши.

— Ой, Бозуул! — Он подъехал десятнику.

— Слушаю тебя, Кыргыз-ава! — Бозуул даже не остановил своего скакуна.

— Я уже не могу ехать на коне, — выразил свою боль Кыргыз-чал и спросил: — Когда остановимся на привал?

— Понятия не имею, Кыргыз-ава, — Бозуул смеялся, показывая белые зубы.

— Пора бы сделать привал, — продолжил Кыргызчал. — Люди уже изнывают от усталости.

— У нас из десятки воинов, — сказал Бозуул ему с гордостью, — кроме вас, никто не жалуется на усталость.

Тем самым он отмечал старость человека, который в свои годы сидел бы дома, а не становился помехой к движению войска.

— Они боятся тебе говорить, — возразил Кыргызчал. — Я же вижу по глазам.

— Одни вы умеете читать по глазам! — разозлился Бозуул. — Остальные ничего не понимают!

Бозуул отъехал от него. Кыргызчал не мог успокоиться. Он решил, как и раньше, поговорить с Манасом. «Неужели ему безразлично состояние войска?» — подумал он и помчался вперед в поисках Манаса. Он постеснялся обратиться к Алмамбету, следуя войсковым порядкам. Скакун Акборчук под его седлом целый день нес хозяина до воинов Тазбаймата, среди которых на Аккуле красовался великодушный богатырь.

— Манас! — обратился Кыргызчал к богатырю, так же как обращался в прежние времена. — Люди устали от езды, великодушный каган! Скажи Алмамбету, пусть объявит привал.

— Не могу! Я такой же рядовой аскер, как и ты, — сказал Манас. — Ты должен сказать своему десятнику. Он —

сотнику, и так далее. Пусть ему скажет ваш туменбашы.

Кыргыз-чал хотел возразить, но не мог сказать ничего. Было непривычно, что Манас тоже подчиняется общему порядку.

«Что за чудеса, куда мы катимся», — подумал Кыргыз-чал и встал без движения. Обрато к своим воинам не стал ехать, а решил их дожидаться, отдыхая на этом месте. Он отъехал в сторону и спешился очень осторожно, чтобы не навредить «ранам».

Войско двигалось медленно и торжественно, как огромный огнедышащий дракон, ползая по равнинам земельных пространств. Кыргыз-чал, с одной стороны, радовался и гордился тем, что он является частицей этого дракона. С другой стороны, переживал за то, что этот дракон даже не удосужился заинтересоваться болью своей частицы. Было очень обидно, и поэтому он что есть мочи прокричал несколько раз:

— К черту вас всех! К черту вашего Бейджина!

От боли в натертых бедрах Кыргыз-чалу хотелось плакать, ему было все равно, кто что думает. У него сознание, душа и сердце собрались в одном больном месте. Проезжающие воины смотрели на него с удивлением и показывали на него друг другу указательными пальцами, покручивая ими у висков...

Впереди бушевала река Оркун. Поток воды в ней был постоянно в силе из-за того, что наступали очень теплые времена. Днем и ночью одинаково таяли ледники, воды которых составляли мощную силу реки Оркун. Переправиться через нее с войском было невозможно. Переправа через брод требовала для войска много времени, что было недопустимо. Алмамбет дал войску недельный привал. Сам собрал знаменитых чародеев и заклинателей. Самыми главными из них являлись Ырдык и Байкиш, которые сумели разгадать и разрушить все калмыцкие заклинания и чародейства на всех путях войска Манаса в родные земли. Сам Алмамбет учился чародейству несколько лет в Бейджине. Усилиями заклинаний Алмамбета, Ырдыка и Байкиша, несмотря на теплые времена, над Оркуном наступили лютые морозы, чтобы замерзла вода реки, чтобы войско могло переправиться через нее без затруднений. Для того, чтобы полностью замерзла река, потребовалось одна неделя. Вот поэтому Алмамбет объявил привал на неделю. Как только появилась возможность проезда по ледяной поверхности реки, войско начало переправляться через скользкие препятствия на другой берег. Пришлось частям войска прервать дни отдыха на одном берегу и продолжить их на другом. Но войско за это время должно было учиться премудростям ведения войны. Отдельные аскеры упражнялись и учили друг друга колоть врага копьями,

рубить саблями и метко стрелять из лука. Дни, отведенные для привала, кончились.

Войско двинулось еще более стремительным ходом. Все тумены будто включились в соревнование «кто быстрее», головные их части овладевали местами для перехода горных участков общего пути. Каждый тумен войска имел свою дорогу и свое направление движения. По приказу Алмамбета движение войска сопровождалось упражнениями частей туменов в устройстве набегов на врага, обороны в случае нападения, а также битвы, если враг окажется лицом к лицу. Временами устраивались поединки между богатырями. Главы туменов войск вначале были против проведения различных упражнений, но со временем признали, что они помогают держать аскеров в боевом состоянии. Были заметны у каждого аскера повышение боевого духа, бодрости и прибавка в навыках ведения поединков.

Так войско ехало весь конец лета и начало осени. Когда начало холодать, Алмамбет приказал всем главам туменов занять места для устройства зимовок. Движение войска в зимних условиях было опасным, оно могло принести большие неприятности и жертвы. Алмамбет, знаток погоды, заранее замыслил и распорядился о зимовке перед вторжением в чужие земли. В земли калмыков, манжу и жунгаров, которые в течение многих лет пытались

расширить их землями кыргызов Ала-Тоо. Многие знатные люди и мудрецы воспротивились зимовке. Оказалось, что постоянное движение стало порядком житья. Некоторые уже привыкли к этой жизни и не могли или не желали ее изменить. Однако железная воля Алмамбета, суровый разговор о последствиях и ответственность, вплоть до сноса головы, остудили многие горячие сердца.

Передовые части войска во главе с Сыргаком подобрали место для проведения зимы. Бескрайние широкие поляны, хмурые безмолвные леса и бесчисленные источники родников привлекли внимание когорты главенствующих туменбашы. Решено было заняться возведением жилья в количестве трехсот тысяч чумов вместимостью по десять-пятнадцать человек, что и выполнили в течение одного-двух дней. Войско дальше продолжило упражнения по боевым учениям в разных условиях.

Местность была ровной и еще не утратила летней зеленой красоты. После изнурительных упражнений с оружием аскеры должны были устраивать отдых с интересными играми. Любимой игрой среди аскеров была ордо. Игру ордо любили все джигиты, потому что она быстро прославляла игрока большого мастерства. Она была полна сложных приемов по выбиванию альчиков битами из круга в разных положениях. Кроме того, требовалось приложить немало умственных способностей, чтобы определить сами

приемы и выработать общее направление игры для игроков разных сторон. В туменах начали играть в разные игры. Кто в кокбори, кто в эрсайыш, кто в эральыш, шум веселья от игр заполнял все пространство в одно мгновенье...

Походный шатер Манаса издали привлекал внимание окружающих войск всех туменов. Его установили таким образом, чтобы он был виден со всех участков, занятых туменами. Алмамбет обошел все участки, где расположилось войско. Проверил состояние готовности всех хозяйств к зимним условиям. Было видно, что упражнения последних дней изрядно подтянули воинов. Выполненные работы были крайне добротными и порядочными, так что Алмамбет остался довольным работой всех ханов и туменбашы. Он направил своего Сарала в сторону синего шатра Манаса.

— Будь здоров, брат! — приветствовал Алмамбет Манаса.

— Будь здоров, брат! — Манас принял приветствие и спросил: — Как устроились аскеры?

— Прекрасно! — ответил Алмамбет. — Нам необходимо посоветоваться.

Манас пригласил актаяка. Поручил ему вызвать всех тех, кто входил в военный совет каганата.

— В совете что будем обсуждать? — спросил Манас у Алмамбета.

— Необходимо разведать дальнейшие пути движения войска.

Алмамбет задумался. Через некоторое время опять заговорил:

— Мы шли по нашим давно разведанным землям, — Алмамбет поднял голову и посмотрел прямо в глаза Манасу. — Дальше начинаются вражеские земли. Никто не знает, что они нам готовят.

— Правильно! — согласился Манас. — Возможно, кто-то занимается охраной земель.

— Мы должны убедиться, что за нами наблюдают и оповестят людей в ставке Эсенкана.

— Да, чтобы о нашей силе дошло до Эсенкана, чтобы он вынужден был обратиться за помощью к племени сазаншон.

Пока обсуждали вопросы разведки, в шатер зашли Бакай, Ажыбай, Кыргыз-чал и ханы — Тоштюк, Урби и Музбурчак. Кто-то среди них сказал, что Чубак, Серек и Сыргак не могут принять участие в беседе, так как они находятся в местах расположения основных сил войск и занимаются их размещением. У всех был веселый вид, видимо у них был разговор о натертых бедрах Кыргыз-чала, только у него в глазах искрились злые блески.

— Заходите, богатыри! — пригласил всех каган Манас.

Грузные станы богатырей разместились на олпоках с учетом старшинства между ними. У богатыря Тоштюка

здоровье пошло на поправку. Его морщинистое лицо разгладилось, прониклось вниманием и заботой близких ему людей. Из его тусклых в прошлом глаз уже сыпались искры радости и мужества. Широкоплечий Музбурчак казался неуклюжим медведем, но его молниеносные движения всегда опровергали у людей первичное впечатление.

— Мы подъехали к границам чужих нам земель, — сказал Манас задумчиво. — Здесь решили провести зиму. Войско должно заниматься упражнениями, чтобы оттачивать навыки боевых действий.

— Да, конечно! — послышались возгласы.

— Бакай-ава! — Манас обратился своему советнику с вопросом. — От ваших людей, которые должны были сеять смуту в калмыцких городах, не поступало каких-либо вестей?

— Пока не было никаких вестей.

— Отправьте еще людей.

— Хорошо, великодушный!

— Давайте врасплох устроим наступление на врага, — предложил Урби.

— Будут многочисленные жертвы, — ответил Алмамбет. — Это ослабит калмыков. Нам это не нужно.

— Я что-то не понимаю, — сказал Тоштюк. — Врага нужно уничтожать. Почему не нужно ослабление калмыков?

— Они должны сражаться в первую очередь с сазаншонами, — объяснил Алмамбет. — Вот поэтому мы избегаем встречи с калмыками.

— По нашим расчетам, — объяснил Бакай Тоштюку, — узнав о нашей силе, Эсенкан должен пригласить на помощь племя сазаншонов, которые не станут помогать, а начнут истреблять калмыков.

— А может быть, они станут помогать калмыкам, — неуверенно высказался хан Урби, оглядывая глаза богатырей.

— Нет, чудовища сразу будут нападать на людей, — продолжил Бакай. — Люди Кобиша уверены в этом. Первыми людьми, кого они увидят, будут калмыки, манжу и жунгары.

— И мы желаем, — продолжил за Бакаем Алмамбет, — чтобы Эсенкан запросил у нас помощи против сазаншонов.

— Конечно, нам это понятно, — сказал Урби.

— Ладно! — Манас остановил полемику. — Нам необходимо разведать все дороги, по которым будем двигаться, как только произойдет потепление ранней весной.

— Я думаю, — сказал Алмамбет, — мне самому нужно больше узнать о дорогах, чем кому-нибудь из нас.

— Правильно говоришь, Алмамбет! — Манас поддержал его. — Возьми с собой Сыргака.

— Хорошо, мой каган! — Алмамбет поклонился.

— Через месяц, — сказал Манас всем. — Если не будет никаких вестей от Алмамбета, каждое ханство начинает разведывать свои пути движения.

Все ханы закивали головами в знак согласия.

— Кроме того, — продолжил Манас, — Алмамбету следует узнать и изучить мнения окружения Эсенкана.

Алмамбет еще раз кивнул головой.

Вся когорта ханов и советников кагана вышла из шатра. Небо было лунное и полно звезд. Синий дневной цвет неба будто удержался на целую ночь.

Сорок чоро Манаса собрались по привычке на игру ордо в одном месте. Разделились они на две части, как всегда, по двадцать человек. Главой одной стороны всегда выступал Ажыбай. Точно так же бессменным главарем другой стороны играл Кыргыз чал. Привязали к стойлу четырех молодых кобылиц в качестве награды для стороны-победительницы. Чоро Жайнак со стороны Кыргыз чала отмерил сорок ступеней в длину аркана и начертил большой круг с его помощью. Сторона Ажыбая расставила в центре круга альчики с монетой-ханом в самой середине. Спор о том, какая сторона начнет игру, был разрешен стрельбой из лука в летящий мешочек с альчиками. Меткость игрока стороны Ажыбая позволила начать игру его людям.

Игроки Ажыбая показали большое мастерство. Попав в центр, игрок выбил большое количество альчигов за круг, не оставляя никаких надежд на выигрыш игрокам Кыргыз чала. Но произошло событие, которого никто не заметил, кроме Жайнака. Игрок Ажыбая, выбивая альчики, случайно зацепил монету, которая упала рядом с чертой ордо с внутренней стороны. Заметил это только Жайнак и молчал до тех пор, пока не вышел из игры игрок Ажыбая. Он уже сделал свое дело. Выигрыш был на стороне игроков Ажыбая.

— Ну что, Кыргыз ава! Вы проиграли! — кричал Бозуул, игрок со стороны Ажыбая. — Кобылицы наши!

— Не спешите! Не смешите людей! — закричал Жайнак, показывая на монету. — Теперь мы будем выбивать «хана», и награда будет нашей.

Жайнак приготовился выбивать «хана» абалаком. Левой ногой встал он к черте, правую ногу накиннул на левую сзади и чуть нагнулся, положил левую руку себе на спину.

— Кобылицы наши! — завопила сторона Кыргыз чала.

Изо всех сил Жайнак правой рукой закрутил абалак в сторону монеты. Все случилось молниеносно, был слышен только звон монеты. Никто ничего не смог увидеть, никто не смог проследить полет монеты. Как назло, на пути монеты оказался Бозуул, который стоял у черты круга, наблюдая

игрой. Монета ударилась в живот Бозуула и упала внутри круга ордо.

— Где монета?! Куда она улетела?!

Кинулись все на поиски монеты-хана.

— Она никуда не улетела, — кричал Бозуул. — Вот она! Она в круге.

Он показывал на монету, которая находилась около черты с внутренней стороны круга.

— Это ты, Бозуул! — Кричал Ырчы уул. Он догадался. — Поймал монету на лету.

— Он не попал битой по «хану»! — кричал Бозуул нагло. — Он его пальцем зацепил!

Кыргыз чал всегда руководил игрой сорока чоро с малых лет и стал великим мастером в игре ордо. Всегда прислушивались к его мнению при появлении спорных вопросов. На этот раз он поддался искушению.

— Вы проиграли, Бозуул! — Кыргыз чал хотел припомнить поведение десятника, когда у него натерлись нежные места. — Ты играешь нечестно. Ты! Ты — плохой человек.

— У тебя седина на висках, аксакал! — Бозуул оскорбился. — И не стыдно тебе спорить с молодежью?!

— Ты что, Бозуул! — Ырчы уул набросился кулаками на Бозуула. — Стыдишь почтенного человека, вместо того чтобы извиниться. Откуда ты такой взялся?!

Двумя руками Ырчы уул схватил за воротники кементая Бозуула и начал дергать его. Бозуул пытался освободиться от Ырчы уула. Ему помогли окружавшие их люди.

— Постоянно ходишь под покровительством Чубака, — Бозуул начал оскорблять Ырчы уула еще сильнее. — Кто он?! Он не лучше, чем Алмамбет, мой покровитель. Помнишь, что я стал для скакуна Сарала живой наградой? Алмамбет сегодня глава войска — аскербашы. Алмамбет ночью уехал на разведку. А что делает Чубак?! Он не может справиться нойгутами до сих пор. С кем поведешься, того и наберешься. Вы со своим Чубаком способны только сеять смуту среди людей. Его даже в разведку не взяли.

Правда глаза колет. Прав был Бозуул. Ырчы уулу плакать хотелось от таких унижений. Правда, что он, как только попал в распоряжение Манаса, познакомился с Чубаком, и с тех пор они стали неразлучными приятелями. Правда и то, что Чубак постоянно его опекает, как певца всего войска. Ырчы уул закричал:

— Вы слышали, люди?! Он назвал нас смутьянами! Я ему покажу, кто смутьян!

Ырчы уул вскочил на своего скакуна и помчался к месту, где расположились нойгуты.

— Чубак! — кричал он. — Мы с тобой — смутьяны! Так о нас народ говорит! Мы с тобой ни на что не способны. Кто

аскербашы?! Алмамбет! Кто в разведку уехал?! Алмамбет!
Кто сидит без дела?! Чубак!

Слова Ырчы уула били по самым сокровенным чувствам Чубака. Как только вознесли Алмамбета на уровень аскербашы, у Чубака екнуло сердце, будто его обошли стороной. Он подумал, что Манас мстит ему по случаю отъезда когда-то в Алайскую долину на некоторое время. А насчет разведки он услышал впервые. Ему показалось, что она придумана как раз с целью еще насолить раны Чубака. «Что творит Манас?! Что, нойгут хуже, чем ногоец?! Чубак слабее, чем Манас?! Врага громит везде Чубак, а слава достается Манасу». Так нельзя.

— Ак-ба-ал-та! — прокричал богатырь уран нойгутского племени. Ударил Чубак по доолбасу несколько раз.

— Ак-ба-ал-та! Ак-ба-ал-та!!!

Уже завопило все нойгутское войско. Чубак одним прыжком оказался в седле на скакуне Коктеке и взял поводья в руки. Будто Чубак шепнул в ушко скакуна, он помчался в сторону площадки, где играли в ордо все чоро Манаса. За ними гнались все остальные, будто на них напали вражеские войска.

— Ак-ба-ал-та-а!!! — кричало войско.

Коктеке наехал на черту игры ордо.

— Ты чего топчешь альчики! — заорал на Чубака Кыргыз чал. — Ты что, только альчиками воюешь?!

Слова Кыргызл чала будто подлили масло в огонь. Чубак еще сильнее разозлился.

— Я не позволю здесь править мною чужеземцу! — Чубак размахивался плеткой. — Я его уничтожу!!! Вы, чоро, со мной или нет?!!

Коктеке крутился внутри ордо. Чубак ударил плетью по бедрам скакуна. Он стрелой рванул на восток за Алмамбетом.

— Ак-ба-ал-та-а!!! Ак-ба-ал-та-а!!!

От урана войска загремело пространство, затрещала земля. Тысяча коней под войском рвануло за Чубаком. С избытком накопившиеся силы войск Тоштюка, Жамгырчы, Кокче, Санжыбек, Урби и Музбурчака, смотревших на действия нойгутов, тоже начали возбуждать аскеров, которые частями вливались в войска Чубака.

Разведка

Шум от топота копыт тысячи коней и от голосов издающих уран нойгутов дошел до синего шатра Манаса, где великодушный обсуждал мысли уничтожения племени сазаншон с мудрецом Бакаем. На бумаге были нарисованы разные рисунки.

— Что за шум, Бакай ава? — спросил Манас у своего советника, не отрываясь от бумаг.

Бакай вышел из шатра. Там, внизу, где играли в ордо все чоро Манаса, поднялся клубок пыли и послышался уран нойгутов. Со стягом зеленого цвета целое войско помчалось на восток за Алмамбетом. Бакаю стало все ясно.

— Чубак в ярости, — сказал он, заходя в шатер. — Помчался с войском за Алмамбетом.

— Что ему нужно?! — спросил Манас.

— Ясно, что его кто-то оскорбил, — объяснил Бакай. — Сказав, что он ни на что не годится, даже на разведку. Он, помню, обижался из-за избрания Алмамбета в аскербашы.

— Надо, Бакай ава, принять меры, чтобы он остыл, — Манас был огорчен поведением Чубака.

— Надо отправить датку Ашыр со скакуном Аксаргылом в качестве дара, — посоветовал Бакай. — Чтобы он поклонился перед Чубаком.

— Вы что, Бакай ава, не знаете Чубака, — Манас возмутился. — Он разрубит пополам датку Ашыр. Лучше вы сами езжайте к нему с моим скакуном Аккулой. Остановите его.

Бакай согласился с мнением Манаса. Действительно, Чубак мог со злости натворить непоправимое дело. Надо, чтобы перед ним встал глубоко уважаемый всеми кыргызами человек. Бакай подумал: «А я сам кто, человек, которого уважают люди, или нет»? Он поймал себя на мысли, что этим вопросом никогда не задавался. Раз Манас просит, надо предстать перед Чубаком. «Посмотрю на деле, — подумал Бакай, — Чубак меня уважает или нет».

Бакай на своем знаменитом Кекчолоке повел Аккулу за собой в обход горной местности, чтобы оказаться впереди Чубака, который огибал гору. При виде Бакая Чубак остановился и начал говорить про свою обиду.

— Если бы не вы, Бакай ава, — горячился Чубак, — меня бы никто не мог остановить.

— Спасибо, Чубак! — отозвался Бакай.

— Бакай ава! — начал Чубак. — До каких пор я должен находиться в немилости? Почему Алмамбет стал аскербашы, а я кто?! Почему Алмамбет уехал на разведку?! А что мне делать прикажете?!

— Это разве повод для обиды? — вопросом на вопрос ответил Бакай.

— С малых лет я служу народу рядом с Манасом, — Чубак еще сильнее повысил голос. — Калмык вчера прибыл к нам, и все почести ему. Так не пойдет, Бакай ава.

— Давай, Чубак, разберемся в спокойной обстановке.

— Мстит Манас мне за то, что я уехал в Алайские горы?!

— Я об этом с Манасом не говорил, Чубак!

— А зря, Бакай ава! — Чубак злился. — Узнать бы его мнение.

— Он знает, что ты никогда не подведешь свой народ.

— Отойди в сторону, Бакай ава, не задерживай меня.

В это время быстыми шагами Айманбоза подъехал к ним сам Манас. Он не мог остаться у себя в шатре, когда буянит всем напоказ один из его соратников. Вот и прискакал следом за Бакаем. Вместо того чтобы обрушиться на Чубака, он начал смеяться.

— Брат Чубак! До чего ты слаб своей честью! Свою обиду выказываешь всему народу напоказ. Постыдился бы, дорогой мой братец! Мы и так горды твоими подвигами. Шуметь на большом пути не следует, братец!

Манас говорил нарочито весело, но Бакай понимал, как тяжело Манасу изображать великодушие. Как прежде, погрел бы он Чубака плетью, но нельзя при всех, выросли богатыри, заслужили уважение и почет всего народа. Обращаться с ними как прежде уже непозволительно.

Чубак понял: вот теперь пришло время высказаться великодушному брату о своих обидах.

— Мой хан! Великий каган! — Голос у Чубака задрожал. — С малых лет я рядом с тобой служу народу. Куда ты, туда и я. Вернули мы с тобой родные земли своему народу. Где тогда был Алмамбет?! Поместили мы в зиндан Панус хана. Где тогда был Алмамбет?! Прогнали мы Алооке хана из Анжияна. Где тогда был Алмамбет?! Сражались мы с тобой с Шооруком. Где тогда был Алмамбет?! Я как твоя тень. Всегда я с тобой. Только вчера пришел к тебе Алмамбет. И все почести ему. Кто аскербашы?! Алмамбет. Кто ушел в разведку?! Опять Алмамбет.

Манас не стал с ним спорить. Дал ему возможность высказаться до конца, чтобы полностью выложилась теми обидами, что прикипели внутри. Чубак припоминал еще то, что Манас прогнал его в Алайские горы, приревновав Канькей, из-за чего Чубак чуть не примкнул к калмыкам и манжу, перечеркивая все свои заслуги.

— Если хочешь заняться разведкой, — Манас ударил пятками по бокам Айманбоз, — тогда поехали вместе.

Манас направился на восток вслед за Алмамбетом. Бакай ударил по спине Чубака плеткой. Чубак повернулся к нему.

— Не наглей! Придержи язык! — наставлял Бакай Чубака.

Манас и Чубак следом за ним скрылись за холмами. Войско нойгутов во главе с Бакаем смотрело вслед двум удаляющимся всадникам. Через некоторое время Бакай погнал войско нойгутов обратно к месту зимовок...

Алмамбет и Сыргак ехали по горной тропе. Места были знакомы Алмамбету. А Сыргак расспрашивал Алмамбета о названиях некоторых особенно приметных мест. Алмамбет рассказывал их наименования, показывая плетью на горы и поляны.

— Те горы, которые высятся впереди вдали, называются Тал-Чоку. Дальше расположен перевал Ак-Кулжа. Он обладает волшебством. За перевалом в низовьях имеется озеро под названием Ак ордек.

Внезапно послышался громкое эхо от удара по доолбасу, и следом раздался звук доолбаса Манаса. Показались издали, со стороны запада, еле заметные очертания двух всадников. Алмамбет решил дождаться их появления и спешил. Отпустил Саралу щипать пожелтевшую, но очень густую траву. То же сделал со своим скакуном Кокказык баатыр Сыргак. Было ясно, что их догоняли Манас и Чубак. Они тоже увидели Алмамбета и Сыргака и ускорили бег своих скакунов. Скакун Коктеке под седлом Чубака был резвее, чем скакун Айманбоз Манаса. Появление богатырей наводило Алмамбета на много мыслей разного толка. Он без

разговора понял, что Чубак наделал много шума из-за устройства разведки Алмамбетом. «И теперь под натиском алайского богатыря Манас вынужден вернуть Алмамбета обратно в войско, чтобы разведкой занялся сам Чубак». Алмамбет загрустил от своего положения. Никто ему не говорит, что он покинувший свой народ беженец, но действия некоторых становятся хуже, чем оскорбительные слова.

Быстрее прискакал Чубак на резвом Коктеке, чем Манас на Айманбозе.

— Будьте здоровы, богатыри! — Чубак первым поздоровался.

— Будь здоров, Чубак ава! — Сыргак принял приветствие.

Алмамбет не только не принял приветствие, но и отвернулся от Чубака в другую сторону. У Чубака еще сильнее стало наполняться сердце возмущением от такого поступка Алмамбета. Он спешился и отпустил Коктеке щипать траву. Коктеке сразу направился в сторону Сарала и тихо заржал. Сарала ответил ему взаимностью. Оба скакуна начали чесать друг друга, будто не виделись в течение долгого времени. Чубак обнялся со Сыргаком и не подошел к Алмамбету.

— Здраваться не хочешь, беженец! — набросился Чубак. — Возгордился тем, что тебе Манас все позволил.

Он тоже присел, отвернувшись от Алмамбета в другую сторону. Когда подъехал Манас, Алмамбет и Сыргак встали со своих мест и приняли приветствие Манаса, поклонившись ему. От злости на Манаса, что он поддался на нападки Чубака, на лице Алмамбета выразилось недовольство. Оно стало каменным и чернее тучи. Манас это заметил и засмеялся, чтобы снять напряжение в обстановке.

— Что здесь произошло, богатыри?! Будто чуть не подрались!

У Алмамбета искривилось лицо.

— Ой-о-ой! Ой, Манас!! Не прикидывайся дурачком! — Алмамбет злился от досады на Манаса. — Ты сам скажи, зачем вы примчались за мной?

— Ой, калмык! — Чубак набросился на Алмамбета вместо ответа Манаса. — Ты забыл наш уговор о том, что в трудные времена будем вместе всегда.

— Я никогда ничего не забываю, — возразил Алмамбет.

— Люди все видят! — Чубак начал перечислять: — Когда ты стал аскербашы, ты меня не позвал на помощь. Это раз. И на разведку меня не взял. Это два. Ты нарушил нашу клятву. Не зря тебя хотели убить твои правители.

— Ты мне постоянно напоминаешь о том, что я калмык! Что я беженец! Видеть тебя не хочу, не то что взять тебя на разведку.

— Не отстану я от тебя! — прокричал Чубак. — Пойду я с тобой на разведку! Не можешь ты меня прогнать!

— Я тебя не только могу прогнать, но и на пике подниму!

— Попробуй, беженец! Сам окажешься на пике!

Манас на них смотрел и слушал безумие с обеих сторон. Ему казалось, что оба богатыря впали в детство. Но он, проявляя выдержку, не вмешивался в их разговор. Пусть, подумал он, выскажут друг другу все обиды, не утаивая ничего.

Алмамбет вскочил на Сарала, а Чубак на Коктеке. С копытами на руках они помчались друг к другу. О-о, чудо! Сарала и Коктеке резко остановились друг против друга. Оба богатыря постарались погнать своих скакунов, но им это не удалось. В это время Манас встал между ними. Взял поводья обоих скакунов в свои руки.

— Благодаря тому, что вы со мной, — прогремел Манас, — я начал эту войну против сазаншон. Если вы не можете найти общий язык, я вас отправлю по домам. Я сам один пойду на сазаншон. Может быть, я погибну на этой войне. Зато человечество избавится от угрозы. Уходите оба! Ваша война между собой мне не нужна!

Манас сбросил поводья скакунов в разные стороны. Сам он отошел в сторону большого камня и прислонился к нему, бросая взгляд к Вечному Синему Небу. В таком состоянии Манаса оба богатыря никогда не видели. Они быстро

пришли в себя, будто их облили кипятком. Они увидели перед собой одинокого беспомощного человека перед вселенной. Они оба поняли, что без них он слаб и одинок. И они сами тоже без Манаса не представляли большой ценности в этом мире. Только Манас стоял на пути опасности всему человечеству. Им обоим стало жалко великодушного богатыря. Они оба поняли никчемности своих настроений по сравнению с заботами Манаса. Оба поняли, что понесли сгоряча чушь разного рода. Замолчали и понурили головы оба на некоторое время. Спешились со скакунов, которые торопливо начали дальше щипать траву.

— Наш поступок — позорный поступок! — Чубак понурил голову.

— Точно, Чубак! — Алмамбет кивнул головой. — Стыд и срам!

— Прости, Алмамбет! — Чубак подошел к нему. — Это все из-за меня. Прошу меня простить.

Чубак встал на одно колено перед Алмамбетом.

— Брось, Чубак! Ты тоже меня прости!

Оба богатыря, которые храбро сражались одни с тысячами жайсанов неприятеля, не боялись выступить против сотни драконов и не моргнули глазом на сотни вражеских стрел в сражениях, стояли побитыми одним словом великодушного. Они невольно шагнули друг к другу и обнялись, будто давали клятву повторно быть

вместе на одном холме живыми или мертвыми в одной могиле, ради дела, что затеял Манас, ради спасения человечества.

— Он свою жизнь посвятил нашему народу, — сказал Алмамбет.

— Он и нас, всех чоро, вывел в люди, — сказал Чубак.

— Он сделал ханом и беженца, — сказал Алмамбет.

— Он сотворил мир во всем мире, — сказал Чубак.

— Он спасет мир от чудовищ, — сказал Алмамбет.

Манас повернулся к ним, когда они обещали друг другу не бросать никогда дело Манаса и обнимались как прежде. Радостное настроение вернулось к Манасу.

У Алмамбета все же осталось некоторое чувства обиды за поступки Чубака и Манаса, хотя он простил их обоих. Они не понимают, решил Алмамбет, всю сложность разведки, и поэтому ему захотелось их поставить в сложнейшие условия, чтобы им пришлось хоть малейшее соображение о разведочных делах. Он повернул в сторону, где по рассказам маалимов в школе, где он обучался в детстве, лютуют волшебные царства среди горных мест, недоступных для людей. Они ехали по двойной тропинке для езды по верхним уровням одной горы.

Перед богатырями показался большой город среди гор. Множество зданий и сооружений казались богатырям

устроенными из льда, сквозь который были видны горные хребты, ложбины и малые ущелья. Они то появлялись, то исчезали из поля зрения. Голубоватый оттенок некоторых зданий закрывал всю видимую часть местности. Тропинка подходила к какому-то большому прозрачному мосту, который казался висячим мостом между двумя горами. По обе стороны моста безмолвно стояли прозрачные жайсаны двумя рядами. Впереди ехал Чубак на Коктеке. Почему-то он повернул скакуна на мост. Коктеке одной ногой наступил на мост и провалился. Мост оказался простым миражом. Не было никакого моста.

— Куда?! — закричал Алмамбет.

— Что за мост?! Что за войско?! — закричал Чубак, испугавшись.

— Не видишь, что ли, это всего лишь мираж! — Алмамбет прикрикнул на Чубака.

— Алмамбет! Давай вперед! Сам веди нас, куда следует, — наконец велел Манас.

Чубак молча согласился...

Через два дня они вчетвером доехали до предгорных участков горы Тал-Чоку. Вся вершина горы была в ледниках. А предгорья были сплошь в ложбинах и руслах речек, где земля покрывалась мелколесьем и густыми зарослями. Алмамбет повел спутников вверх, в сторону вершины до краев ледников, где находилась небольшая

ровная поляна. Откуда было видно огромное пространство, будто положили на ладонь всю видимую часть земли. Потянула на себя взгляды богатырей бескрайняя даль, покрытая в конце мутной белизной, где стыкуется земля с небом.

— Вот это да-а-а! — восхитился Манас величавым видом земельного пространства.

Алмамбет поднял правую руку с плетью, показал в край окоема и начал рассказывать.

— Те недосыгаемые для глаза земли, где темнеет легкая мгла, — это земли Чет Бейджин, где лютует хакан Эсенкан. На восточной стороне Чет Бейджина возвышается гора Кара-Тоо, где добывается золото. Там живет родной народ Эсенкана, где правителем является Борикез, его родной сын. С правой стороны Кара-Тоо расположились горы Каспана, где находится знаменитое пастбище Чок Табылгы. Владельцем пастбища является красноглазый богатырь Конурбай. Это тот Конурбай, младший сын хана Алооке, который угнал целый народ кыргызов на поминках Кокетея. Твой исконный враг. На западной границе земель имеется перевал Ак кулжа с волшебной охраной калмыцких земель. Означает «белый горный баран», который сам и стоит на охране границ земель калмыцких, манжу и жунгаров. Рядом находится озеро, где плавает Ак ордек, что означает «белая утка», тоже в целях охраны, в любую погоду, зимой и летом. На стороне

Жетигена земля богатырши Оронгу, кто выиграла в игре «тео чечмей» на поминках Кокетея. Ближе располагается перевал Кумсары, за которым живет народ манжу, во главе с Нескарой, на голове у него шапочка с красной шишкой сверху. Земли ближе населяет народ «солондор» под ханством Бороончу хана. Еще ближе Тыргоот и Шибе, во главе народов стоят ханы Ороккыр и Бозкерттик. За горами Каспан расположено озеро Коке-Ноор, вокруг него обитает народ богатыря Жолой. За горами Коке-Ноор большая страна, в ней живет большой народ жунгары. Вы не удивляйтесь тому, что и озеро, и гора называются одним именем Коке Ноор. Они рядом. Гора примыкает к озеру с восточной стороны.

Если кыргызы являются сорокаплеменным народом, то калмыки, манжу и жунгары состоят из пятисот племен и родов. Чем только этот народ не занимается. Земля благодатная, она кормит весь народ бескрайними полями. Невозможно подсчитать количество людей, оно несметное. Мы хотели, чтобы Конурбай узнал о том, что его враг Манас уже вступил на земли калмыков, манжу и жунгаров. Их всех вместе называют кангайским народом. А весь каганат — Кангайским каганатом. Я уверен, что белая утка полетела с вестью до лисы, лиса уже добежала до белого барана. От белого барана стало известно Конурбаю, что Манас с тремястами туменами войска прибыл в земли Чет

Бейджина. Конурбай непременно обратится к сазаншонам за помощью, чего мы и хотим.

— Очень интересный рассказ, Алмамбет, — Манас взбодрился. — Мне самому захотелось принять участие в разведке.

— Тебе нельзя идти на разведку! — воспротивился Алмамбет. — Если бы ты приехал на Аккуле, то можно было бы еще подумать о твоём участии. Айманбоз слаб. Он не выдержит большую нагрузку.

— Очень жаль, — Манас огорчился, но он сам прекрасно знал, что Айманбоза с годами постепенно покидают силы. И не возражал решению Алмамбета.

— Если бы ты заранее замыслил участие в разведке, — Алмамбет тоже огорчился, — я бы тебя подготовил. Лучше дождись нас здесь. Мы с Чубаком продолжим путь в сторону Чет Бейджина.

Манасу оставалось только согласиться. Чубак и Алмамбет отправились в сторону неизведанных для кыргызов земель.

После того, как Конурбай сообщил о наступлении огромного кыргызского войска на калмыцкие земли, Эсенкан поспешно собрал всю знать пятисот племен и родов. Среди них выделялся сам глава всех войск калча Конурбай, Мурадыл, сын Кырмус шаа, и не отстал от них Нескара, ныне глава манжу. Глава тыргоотов Ушан, черногривый

Бороончу, из кангаев — богатырша Оронгу и дочь Карача баатыра Сайкал. Глава солонов Алооке, Соорондук, сын Солобо, и Бозкерттик, сын Токшукера. От народов шибе прибыл хан Ороккыр. Среди всех богатырей огромным телосложением выделялся баатыр Жолой. Как только поклонились махаянам, прошли в зал проведения собраний по особо важным событиям.

— Конурбай поступил как предатель, — сокрушался Эсенкан перед знатью своего народа. — Нечего было угонять скотину и людей после поминок Кокетая. Вот и Манас прибывает с тремястами туменами аскеров на наши земли, чтобы освободить своих людей и забрать скотину.

— Они оскорбили нас, — оправдывался Конурбай. — Били нас плетками, как мальчиков. Нам не досталось ни одной награды в состязаниях. Хоть бы оказали некоторые почести, раз пригласили на поминки.

— Может быть, отдадим им людей и скотину, — посоветовал Айжанжун. — Пусть они успокоятся.

— Вспомните, что стало с Орго ханом, Акунбешимом и другими ханами. Всех Манас закопал в одно мгновенье, — тараторил Култан. — У Манаса правило: нет пощады врагам. Он обдерет нас до ниток.

— Собрать войско не успеем, — сказал Эсенкан задумчиво. — Кто-нибудь может предложить что-то дельное?

— Давайте обратимся к сазаншонам за помощью, — предложил Конурбай знати калмыков. — Все-таки мы хотели их использовать для завоевания новых земель.

— Правильно говорит Конурбай, — поддержал его Кунжанжун. — Пусть Макел-Малгун покажет себя, пусть покажет, на что они, сазаншоны, способны.

— В настоящее время, — встал со своего места жанжун Чангели, — сазаншоны самые лучшие воины в мире. Никто не может противостоять чудовищному войску острова Мангуба.

Были слышны со всех сторон слова одобрения Конурбаю и Чангели.

— Почему у Манаса такое большое количество аскеров в войске? — задал вопрос Эсенкан. — Когда у него было в шесть раз меньше аскеров, наши ханства не могли оказать ему сопротивление.

— Он, наверное, захотел поступить точно так же, — предположил Айжанжун, — каким образом мы поступили с кыргызами во времена ханства Орозду баатыра.

— Так он хочет разогнать наш народ по всему свету? — У Эсенкана глаза на лоб полезли. — Нельзя допустить такого исхода для нашего каганата.

— Они нас спросят, — язвительно ответил Нескара. — Половина, а может быть целиком, войско бурутов обоснуется навеки на наших землях.

У Эсенкана открылся рот.

— Поэтому нужно пригласить сазаншонов на помощь, — повторил Конурбай. — Это наша последняя надежда на спасение нашего каганата.

— Ладно! — согласился Эсенкан. — Отправляйте переговорщиков к сазаншонам.

— Нужно собрать войско, о-о, великий каган! — упал на колени Айжанжун. — Велите каждому главе племени и родов, чтобы они собрали по тумену жайсанов.

— Да, — сказал растерянный Эсенкан. — Повелеваю собрать войско.

Он обратился к Конурбаю:

— Конур! Собери войско со всех племен и родов. Говорят, на бога надейся, но и сам не оплошай. На сазаншонов надейся, но и приумножай свои силы.

— Хорошо, мой хакан! — Конурбай поклонился правителю вселенной...

Через неделю семеро калдаев собрали большой караван в качестве дара для сазаншонов, чтобы уговорить их выехать навстречу бурутам с самым сильным войском на свете. Собрано для сазаншонов шесть тысяч бродячих собак, десять тысяч ослов и девяносто тысяч кабанов. Кроме того было собрано девяносто тысяч мешков змей, лягушек и другой ползающей живности, что погрузили на девятьсот верблюдов. Берега земель Чет Бейджина и остров Мангуба

разделяет море Жантак шириной в двенадцать чакырымов. Весь караван погрузили на множество плотов, которые были изготовлены в спешном порядке. Семь калдаев переговорищиков в сопровождении шести туменов жайсанов отправились на остров Мангуба, где правителем много лет являлся одноглазый великан Макел-Малгун...

— Где Конурбай?!

От силы голоса задрожала земля. Во дворце Эсенкана всполошились все живые существа. Сам Эсенкан забился в уголок и знаками потребовал, чтобы нашли Конурбая. Конурбай сам явился во дворец и вышел навстречу чудовищу, что требовало встречи с ним. Это был Макел-Малгун. Несмотря на то что Конурбай встречался с ним несколько раз, у него мурашки побежали по спине. Ему было жутко страшно смотреть в один-единственный огромный глаз великана, что располагался над окончанием носового хребта поперек, занимая всю лобовую часть головы. Ему казалось, что великан вот-вот его проглотит, даже не ртом, а одним огромным глазом.

— Э-т-т-о-о и-й-а-а, — голос у Конурбая дрожал, выдавая непонятные звуки.

— Где Манас?! Где буруты?! — загремело чудовище.

— М-м-м, — Конурбай не мог ничего сказать, показывая одной рукой на запад.

— Ясно! — буркнуло чудовище и двинулось в ту сторону, куда показывала рука Конурбая.

Конурбай стоял на месте, провожая взглядом чудовище. Он начал приходить в себя. Сначала почувствовал, что дрожит, как лист дерева от ветра. Через некоторое время дрожь прошла, но руки и ноги были бессильны, они стали неуправляемыми. Прибежал к нему помощник Эсенкана.

— Уважаемый калча! Вас просит к себе великий хакан!

Он только сейчас понял, что даже говорить не может. Он еле кивнул головой в знак повиновения.

Пока Конурбай готовился явиться к хакану, прибежал к нему его помощник Чалаба.

— Я посылаю за ним пятерых жайсанов? — спросил он. — Чтобы вести за ним наблюдение.

Конурбай молча кивнул головой...

— Что тебе сказал Макел-Малгун? — спросил у него Эсенкан первым делом, как только он перступил порог приемных покоев.

— Он поехал в сторону бурутов, — Конурбаю было очень стыдно за свое состояние при виде чудовища.

— Он способен разогнать бурутов? — Вопрос Эсенкана был для него неожиданным. Он даже не задавался им.

— Посмотрим, великий хакан! — Он ответил неопределенно.

— Где у него войско?! — Эсенкан повысил голос.

Конурбай пожал плечами и поймал себя на мысли, что таким вопросом он тоже не успел задаться. Он был оглушен страхом перед Макел-Малгуном. Ему очень захотелось, чтобы Макел-Малгун и его сазаншоны исчезли из этого мира. Они сильно отяготили за это время его жизнь.

— Проследи за его войском! — приказал Эсенкан. — Может оно за ним поехало.

— Хорошо, мой великий хакан!

Конурбай обещал проследить за действиями войск сазаншонов...

Через полмесяца после этого события во дворец забежали двое калдаев, которые отправлялись с большими дарами на остров Мангуба. Одежда на них была разорвана в клочья, вид был как у сумасшедших. Глаза расширились, будто вот-вот выпадут из своих мест.

— Беда! Беда! Мой великий хакан! Большая беда!!! — наперебой кричали калдаи.

Они увидели в глубине дворца Конурбая и упали перед ним на колени.

— Беда! О-о великий калча!

Конурбай понял, что произошло то, отчего он сильно переживал в последние годы. Но не мог он себе представить объемы наступившей беды.

— Что случилось?! — спросил Конурбай грубо.

— Беда! Все, что привезено нами на остров Мангуба, съедено сазаншонами.

— Ну и что! Мы и так знали, что они будут питаться нашими дарами.

— Они всех наших жайсанов и нас взяли в плен.

— Для чего?

— Они начали съедать и нас, о-о великий калча!

— А как вы очутились здесь?

— Мы сбежали от них.

Из дальнейших разговоров стало ясно, что Макел-Малгун, как только услышал просьбу Конурбая, отправился лично на своем керике в сторону Чет Бейджина, переправляясь через Жантак. Чудовища немедленно окружили и разоружили всех сопровождающих дары, жайсанов и калдаев. Дары были отправлены чудовищами в пещеры. Они взялись умертвлять всех жайсанов, несмотря на то что они, рискуя жизнью, привезли им еду. Тут же начали употреблять трупы жайсанов в качестве пищи на глазах у живых людей, не оставляя даже костей. Живые люди, видя, что происходит с товарищами, стали отчаянно сражаться с чудовищами, чтобы спасти свою шкуру. Никому не удалось спастись. Только двое калдаев, которые оказались перед Конурбаем, чудом спаслись от них, бросившись в озеро Жантак с обрыва...

Надежда на спасение от нашествия бурутов с помощью войска сазаншонов рухнула на глазах. Конурбай это понял, но какая-то невидимая сила удерживала его от окончательной ее утраты. Она превратилась в страх нашествия сазаншонов в Чет-Бейджин. Об этом рассказал Жангир, который стал свидетелем возвращения двух калдаев, старый колдун и чародей.

— Надо спастись от чудовищ сазаншонов, а не от бурутов, — сказал он, проливая слезы. — С бурутами можно договориться, а с этими нет. Они готовы проглотить все человечество.

— Пока нельзя расстраивать Эсенкана, — предупредил грозно Конурбай. — Тем, что нет надежды на сазаншонов.

У Конурбая была надежда на то, что вернется Макел-Малгун и уладит все дела со своим войском.

Чубак увидел первым великана Макела-Малгуна.

— Смотри, Алмамбет! — крикнул он. — Что это? Что движется в нашу сторону?

Там вдали виднелось пятнышко, которое шевелилось, будто шло навстречу к ним, к богатырям. Оно постепенно увеличивалось в размерах по мере приближения к тому месту, откуда смотрели на него с удивлением Алмамбет и Чубак. Они сумели отгадать, что это пятнышко вдали имеет

величину не меньшую, чем большая юрта. К ним навстречу двигалась гора величиной с юрту. Алмамбет долго думал, угадывая происхождение этого ужасного чудовища, и пришел к выводу:

— Это Макел-Малгун. Он является правителем племени сазаншон. Это правитель именно того племени, против умножения которого выступил наш каган Манас.

— О-о, чудо! — взмолился Чубак. — Дай нам силы, Тенгир наш, одолеть такое чудовище!

Алмамбет посмотрел на Чубака. Ему казалось, что он немного побаивается странного чудовища. Алмамбет решил еще сильнее напугать своего напарника, чтобы испытать его.

— Давай, Чубак, побежим назад, — проговорил Алмамбет. — Сразившись с ним, мы его не одолеем. Он нас живьем съест.

— Ты что, Алмамбет! — прокричал Чубак. — Нельзя бежать назад! Давай сразимся с ним. Мы ехали три месяца, чтобы побежать назад?!

Ответ Чубака сильно понравился Алмамбету.

— Богатырь Чубак! — Алмамбет был в восторге от его слов. — Других решений я от тебя не ожидал.

Они решили устроить нападение на Макел-Малгуна из засады. Первым делом Алмамбет поразит Макел-Малгуна выстрелом из лука в сердце. А Чубак на Коктеке нападет с левой стороны и поразит противника ударом копья в грудь.

Тем временем «гора» приблизилась к тому месту, где устроили засаду богатыри. Огромное чудовище величиной с юрту двигалось очень шустро. Голова его, вся в черной шерсти, величиной с казан, качалась в обе стороны. Из его короткого носа выплескивались серебристые воздушные струи горячего дыхания. Чудовище левой рукой сжимало в кулаке поводья, а правая рука крутила на ходу огромную палицу. Керик под ним оказался неутомимым скакуном. Неся на себе огромное чудовище, он неустанно стремился на запад быстрее и быстрее. От его движения содрогалась земля под ногами. Алмамбет взял на прицел левую часть груди чудовища, но мигом отказался от своей затеи. «Вдруг сердце расположено не там», — подумал Алмамбет, озирая единственный глаз чудовища. «Вот она, лучшая цель, — принял решение Алмамбет, — он не прикрывается ничем». У него вскинулась рука с луком, ни один мускул не дрогнул на лице. Правая рука натянула тетиву со стрелой...

Звон стрелы сопровождался глухим ударом ее наконечника во что-то жидкое, и белое чудо величиной с кулак выскочило из жидкости и упало на землю. Это был хрусталик единственного глаза Макел-Малгуна. Страшный выкрик чудовища подтверждал, что Алмамбет попал в цель и теперь очередь Чубака. Коктеке понесся быстрее стрелы, и наконечник копья Чубака исчез в огромном туловище Макел-Малгуна. Чудовище откинуло левую руку в

сторону. Она попала в Чубака, который вылетел из седла Коктеке, как безжизненная туша кабана. Керик под чудовищем остановился с натянутыми поводьями. Макел-Малгун истошно вскрикивал и качался на керике в разные стороны. Было понятно, что он теряет сознание. Алмамбет подскочил на Сарале и ударил по виску чудовища палицей. И наконец оно упало ничком на землю. Алмамбет и Чубак понимали, что чудовище еще живо, его душа еще в нем. Чубак взял свою секиру и изо всех сил ударил по шее сзади. Хотел поднять секиру, но она осталась в шее чудовища.

— Ты смотри, Алмамбет! — крикнул Чубак Алмамбету. — Оно не хочет отдать мне секиру.

— Бей, Чубак, палицей! — Алмамбет тоже взял свою палицу. — По секире бей.

Они вдвоем начали бить палицами по задней части секиры Чубака. Через некоторое время отделилась голова чудовища от тела, которое постоянно дергалось в предсмертных судорогах. Из шейных кровотоков вырывались кровавые потоки. Секира упала рядом с отсеченной головой. Вся земля была в крови. Через некоторое время тело чудовища затихло. Пятеро жайсанов, которые следовали за Макел-Малгуном, не осмелились напасть на двух богатырей, сваливших страшное чудовище. Они помчались обратно, будто увидели дракона.

— Что с ними? — спросил Чубак у Алмамбета, показывая рукой на жайсанов. — Почему они убегают?!

— У них не было желания с нами сражаться, — усмехнулся Алмамбет. — Они должны были увидеть, что Макел-Малгун с нами сделает.

— Вернее, — поправил Чубак Алмамбета, — что он сделает с Манасом.

— Да, Чубак, правильно говоришь, — подтвердил Алмамбет слова Чубака.

— Они передадут своим хозяевам, что стало с Макел-Малгуном, — Чубак посоветовался с Алмамбетом: — Нам это нужно?

— Я думаю, что не нужно, — безразлично ответил Алмамбет.

— Я тоже думаю, что не нужно, — подытожил Чубак и помчался на своем Коктеке за жайсанами...

Он возвратился через четверть дня на взмыленном скакуне Коктеке.

— Теперь, кроме нас с тобой, никто не знает, что стало с Макел-Малгуном, — сказал Чубак.

— Это очень хорошо, Чубак, — подтвердил Алмамбет. — До меня дошло потом, когда ты отправился за ними.

— Давай отвезем голову Макел-Малгуна Манасу, — предложил Чубак. — Пусть он обрадуется, что глава сазаншонов уничтожен.

— Давай отвезем! — обрадовался Алмамбет.

Они взялись грузить голову Макел-Малгуна на его же керике с одной стороны. Там же они удивлялись величине головы великана.

— Ты смотри, Алмамбет, — говорил с удивлением Чубак. — Наших обхватов еле хватает, чтобы ее перенести.

Чтобы сохранить равновесие, с другой стороны нагрузили огромный валун.

Довольные своей работой, оба богатыря направились в сторону Тал-Чоку, где ожидали вестей от них Манас и Сыргак...

Сыргак увидел их издали и передал радостную весть великодушному кагану.

— Смотри, великодушный! — Сыргак обратился Манасу с радостным видом. — Они едут с большой добычей.

Когда разгрузили керика, они увидели огромную голову Макел-Малгуна.

— Ой-бай-е! Что за чудовище?! — Сыргак не поверил своим глазам. А Манас был давно наслышан о сазаншонах. Он не показывал свое удивление...

Враг уже оповещен о наступлении буротов на земли калмыков, манжу и жунгаров. Но они не понимают, что у буротов другое намерение. Буруты приехали на земли врага, чтобы спасти их от сазаншонов, от врагов

человечества. Необходимо идти на переговоры с окружением Эсенкана. Им нужно объяснить, что сазаншоны — это враги человечества. Они никогда не станут друзьями калмыков, манжу и жунгаров. Они нанесут огромные потери кангайскому народу и каганату Эсенкана. Пока не поздно, необходимо объединиться, чтобы уничтожить угрозу для человечества. Необходимо найти человека, который сможет почувствовать великую опасность от чудовищ племени сазаншон и имеет влияние на Эсенкана.

Четверо богатырей после некоторых размышлений решили отправить в Чет Бейджин Алмамбета и Сыргака через земли Тунгша, а не напрямую по короткой дороге. Причиной было опасение, что все пути в Бейджин будут перекрыты войсками Конурбая. Манас и Чубак отправились в долину Басанг-Тоо, чтобы ждать вестей от разведчиков и итогов переговоров двоих богатырей с окружением Эсенкана. Алмамбет и Сыргак взяли с собой на поводке знаменитого скакуна Ажыбая по кличке Карткурэн.

Два богатыря проехали большую дорогу. Прошло три ночи и три дня. Весь путь был завален снегом. Но уже постепенно теплело пространство под небесами. Чувствовался запах приближающейся весны. Оставалось немного пути до города, когда они оказались на обширном пространстве великой степи, где проходила молодость Алмамбета. Глаза у него заблестели, как у хищной птицы,

увидевшей свою жертву. Такими глаза Алмамбета показались Сыргаку. А на самом деле из глубины сознания Алмамбета выплескивалась великая тоска по родной земле. Его тело обмякло и пришло в блаженное состояние. Он не знал, что делать: пасть на землю и целовать ее или обнять. Ему хотелось обнять ее, но это было ему не по силам. Он прекрасно понимал, что все, охваченное взором зорких глаз, невозможно поместить в объятия, будь они даже самые широкие в мире. Ему оставалось просто любоваться красотой родной земли и уповать на то, что встреча с ней продлится надолго.

— Алмамбет ава! — обратился к нему неожиданно Сыргак. — Вы были ханзадой на своей земле, это правда?

— Да, — ответил Алмамбет.

— Наверное, все девушки были вашими?

— Не знаю. Но полюбил только одну из них.

— Кто она? Как ее звали?

— Бурулча. Она — дочь Эсенкана.

— О-о-у! Алмамбет ава! Она тоже вас любила?

— Да, дорогой Сыргак! Она обещала ждать меня.

— Почему об этом раньше не говорили, Алмамбет ава?! — Сыргак огорчился. — Надо было ее выкрасть давным-давно.

— Я не хотел, Сыргак, — объяснил Алмамбет. — Вмешивать и путать Манаса в мои головные боли.

— Ах! Зря, Алмамбет ава! — Сыргак предложил безумную мысль: — То, что не выполнено тогда, я выполню сейчас, Алмамбет ава! Позволь мне выкрасть Бурулчу и привести ее к вам, Алмамбет ава!

Сыргак на самом деле захотел осуществить такую мысль. Он встал на одно колено перед Алмамбетом.

— Благослови меня, Алмамбет ава! Я это сделаю!

У Алмамбета волосы дыбом встали. Но был очень доволен задумкой Сыргака. Да, прав Сыргак. Можно было в свое время выкрасть Бурулчу. Он вспоминал, что в свое время он сам тоже был бы не против кражи невесты. Но он боялся, что Эсенкан бросит все свои силы на освобождение любимой дочери. Растоптал бы он все земли ради дочери. Вот этого боялся допустить Алмамбет. Все народы купались бы в крови ради счастья одного человека. Этого Алмамбет допускать не хотел.

— Ты что! Сыргак, опомнись! — Алмамбет начал учить его уму-разуму. — Мы что, с тобой за невестами пришли?! У нас большая задача перед народом. Нам нужно переговорить с окружением Эсенкана. Пока другой задачи у нас нет!

Слова Алмамбета подействовали на Сыргака. Он замолчал.

— Не отвлекайся на другие мысли, — посоветовал Алмамбет. — У нас ответственная задача.

— Хорошо, Алмамбет ава, — согласился Сыргак.

Богатыри выехали за острым выступом горы на широкую бескрайнюю степь.

— Эту степь называют Кайырма. Она относится землям Кан-Жайлак. Здесь всюду рыскает красно-бурая лисица волшебной охраны Конурбая.

— На этот раз о нас никто не должен узнать, да, Алмамбет ава?! — Сыргак решил подтвердить свои мысли.

— Да, Сыргак! Мы должны себя вести тише воды, ниже травы, — ответил Алмамбет.

— Если увидим лисицу?!

— Скорее, она тебя увидит. Надо выловить ее.

Не успел Алмамбет договорить свои мысли. Из-за огромного валуна выскочила тень красно-бурой лисицы. Звон летящей стрелы из лука Сыргака извещал о бдительности молодого богатыря. Стрела попала в заднюю ногу животного. Лисица не упала, а продолжала бежать изо всех сил на трех ногах, волоча четвертую. Если она забежит в густые заросли, ее и след простыл. Нельзя ее упускать. Мигом оказался Кокказык под седлом Сыргака рядом с лисицей. Удар палицей пришелся по шейной части хребта животного. Лисица распласталась по земле.

— Ой, Сыргак! Какой ты молодец! Какой ты герой! — кричал Алмамбет от радости. — Спасибо тебе, Сыргак!

Алмамбет спешился и начал снимать притороченную к седлу скакуна Сарала поклажу. Снял с поклажи сверток из дерюги. Эта была шуба, в которой бежал Алмамбет еще в те времена, когда его хотели убить по воле Эсенкана. На воротнике сверкали яхонтовые камни. На передних частях шубы сверкали золотые нашивки, придавая ей блеск и важную цену. Когда Алмамбет переоделся в шубу, Сыргак его не узнал. Он стал калмыцким ханзада. Алмамбет вытащил из поклажи еще одну шубу без блесков и драгоценных камней. Попросил переодеться Сыргака в эту шубу.

— Отныне я калмыцкий ханзада! А ты мой глухонемой нукер! Понятно? — спросил Алмамбет, при этом он улыбался. — В этом одеянии никто не заподозрит о нашем происхождении.

Они готовились въехать в город. В таком виде они продолжили свой путь. Алмамбет начал говорить громко по-калмыцки:

— Дракон лежит на гребне горы, лиса в зарослях степи, а ты, белый баран, будь на месте, не шевелись.

Голос Алмамбета походил на голос Конурбая. Он, Конурбай, всегда так говорил, когда хотел увидеть своих животных из волшебной охраны. Белый баран выскочил из своей засады и встала боком к Алмамбету. Только этого и ждал Алмамбет. Стрела пронзила грудь белого барана...

— Теперь наша дорога свободна, Сыргак, — сказал Алмамбет. — Вся завеса волшебной охраны Конурбая снята окончательно.

— Как вы все это помните?! — удивлялся Сыргак. — Много же времени прошло с тех пор, как вы оказались у нас?

— Это все Манас. Это он мне приказал не забывать ничего о землях Бейджина.

— В то время что ему нужно было от Бейджина?

— О племени сазаншон я услышал от Манаса. Я — калмык. Но я не знал о существовании племени сазаншон. Он говорил, что когда-нибудь нам придется сражаться с войском сазаншон, чтобы спасти человечество.

— Откуда ему стало известно о племени сазаншон?

— Работала на Манаса целая когорта из людей разведки под руководством Кобиша.

— Вот это да-а-а! — Сыргак поцокал языком...

...Богатыри приехали к городу Тунгша. Первым делом Алмамбет потребовал от охраны проводить его до городской управы. Внушительный вид Алмамбета в шубе ханзады воздействовал на городские власти потрясающим образом. Он потребовал у них, чтобы городское войско отправилось в земли Кентун, чтобы сражаться с бурутами, которые напали на земли кангайцев. Буруты пришли именно

по земле Кентун, чтобы окружить Чет-Бейджин со всех сторон.

Войско города Тунгша немедленно выехало навстречу с бурутами в землях Кентун.

Точно так же Алмамбет отправил войска еще нескольких городов в земли Кентун. У знати кангайцев бытовало мнение, что из земли Кентун никто обратно не возвращается, если окажется в тех местах. Только через несколько дней Сыргак заметил, что они повернули в обратный путь.

Минуя город Тунгша, Алмамбет и Сыргак переправились через небольшой перевал и оказались на краю огромной степи. Алмамбет обратился к Сыргаку:

— Вот, мой Сыргак! Это земля Кан Жайлак, где проходило мое детство. По-калмыцки звучит Чын Шу, а кыргызы называют Тунгша.

Алмамбет показал плетью на бескрайнюю степь.

— Вот эту степь называли «степью Алмамбета», об этом знал весь народ Кангайских земель. Здесь и прошли мои первые стычки с калча Конурбаем. Видишь, Сыргак, мое хозяйство превратилось в развалины. Значит, калча Конур мстил за меня моему народу. Какая низость с его стороны.

— Да, Алмамбет ава, из вашей родни, может быть, кто-то остался обживать ваши земли? — спросил Сыргак, не зная, как принять участие в горькой обиде старшего брата.

— Выходит, моя родня исчезла бесследно, а враги стали хозяевами моих земель, — Алмамбет понурил голову.

Сыргак закусил до крови свои губы. Нельзя было упоминать Алмамбету о родных ему людях. Алмамбет и так горевал за судьбы близких ему душ.

Апмамбет спешился и начал ковыряться среди густых травяных зарослей.

— Что ищете, Алмамбет ава? — спросил Сыргак.

— Когда я сражался с Конурбаем, — объяснил Алмамбет, — изо рта выпала трубка, когда он ударил меня копьем.

— И вы до сих пор помните это место? — Сыргак несказанно удивился.

— Да, Сыргак, — сказал Алмамбет с горечью. — Это было моим первым поражением, что осталось неизгладимой печатью в моей памяти.

Сыргак тоже спешился и начал ковыряться в травяных зарослях. Вдруг конец его палочки зацепился за какой-то твердый непонятный предмет. Сыргак поднял из зарослей золотую курительную трубку.

— Вот она, Алмамбет ава! — Сыргак покрутил над головой трубку.

— Возьми себе, Сыргак, эту трубку, — сказал Алмамбет, улыбаясь...

Великолепие города Чет-Бейджин удивило Сыргака. Особенно изогнутые крыши домов приводил его в восторг. Оказавшись в людских потоках, они продвигались на своих скакунах с большой осторожностью. Никто на них не обращал внимания. Все же им помогла внешность Алмамбета, привычная для окружающих. И внешность Сыргака особо не отличалась от тех, кто оказывался рядом с ними.

Алмамбет и Сыргак три дня и три ночи крутились по улицам города. Алмамбету удалось поговорить с чародеем и ясновидящим Жангиром, который стал свидетелем злодеяний чудовищ из племени сазаншон. Он охотно согласился уговорить Эсенкана объединить свои силы с бурутами и сражаться вместе против сазаншонов. Чтобы убедить Эсенкана окончательно, Жангир будет ждать действий сазаншонов.

Теперь нужно было возвращаться в долину Басанг-Тоо, где их ждали Манас и Чубак. Они направились в сторону Басанг-Тоо, прямой дорогой, ибо они узнали от Жангира, что на пути еще не появлялись и не располагались войска калчы Конурбая. Калча Конурбай пока еще надеялся на помощь сазаншонов в борьбе с бурутами.

Эсенкан никак не хотел поверить злодеяниям чудовищ племени сазаншон. Когда прискакал Макел-Малгун и

ускакал в сторону бурутов, стало ясно, что сазаншоны будут сражаться с бурутами вместе с кангайским народом. То, что рассказали двое калдаев, которые были на приеме у сазаншонов и увидели их злодеяния собственными глазами, не убедили никого из окружения Эсенкана. Сам Эсенкан не видел этих двух калдаев, Конурбай счел ненужным, чтобы эти двое вселили в Эсенкана сомнения в пригодности сазаншонов. Их незаметно для окружающих придушили люди Конурбая в ночное время, когда они находились в глубоком сне.

— Великий калча, — подошел к Конурбаю главный из помощников Чалаба. — Неужели буруты смогли одолеть Макел-Малгуна?

— Кто тебе сказал, что буруты одолели Макел-Малгуна?! — Конурбай разозлился на Чалабу. — Он, может быть, уже уничтожил половину бурутов. Или он погнал их до Анжияна.

— Я переживаю из-за отсутствия вестей от него, — Чалаба забеспокоился. — Давайте, я сам поеду в разведку. Узнаю, что с Макел-Малгуном.

— Вот это дельный разговор, — Конурбай похвалил Чалабу. — Езжай, людей возьми с собой.

Чалаба немедленно выехал с несколькими жайсанами в сторону запада, к предполагаемому месту встречи бурутов с великаном Макел-Малгуном.

Конурбай велел пригласить к себе жанжуна Чангели, который занимался сбором войска среди родов и племен для исполнения желания Эсенкана. Чтобы Эсенкан остался довольным количеством своего войска против бурутов.

— Сколько туменов войска собрал? — Конурбай задал вопрос Чангели, не ожидая, пока он расположится на олпоках.

— Сто туменов войска уже имеются, — радостно сказал Чангели. — Можно их показывать великому хакану.

— Хорошо, Чангели, — Конурбай посмотрел поверх его головы. — Я с Эсенканом уточню, в какой день он желает устроить смотр войска.

Конурбай на некоторое время замолчал. После некоторого раздумья он поднял голову.

— А что, если буруты справились с Макел-Малгуном?! — Глаза у Конурбая горели большой ненавистью. — А что делать, если сазаншоны нападут на нас?!

— Если соберем войско в количестве пятисот туменов, — ответил с безразличием Чангели, — нам ничего не страшно.

Конурбай задумался. Ему не понравились спокойствие и уверенность Чангели. Про таких людей говорят: сила есть, ума не надо. От него никогда не исходило полезных советов. Он просто выполняет приказы. Конурбай огляделся по сторонам. Выходит, что у него нет ни одного советчика. Нет

ни одного надежного соратника. Очень жаль. Он сердцем чувствовал, что на сазаншонов нет надежды. Несмотря на свой страх перед Макел-Малгуном, Конурбай верил ему. Макел-Малгун никогда не подводил Конурбая. Если дал слово, он его всегда выполнял. Что стало с ним, узнает Чалаба. Без Макел-Малгуна сазаншоны могут оказаться неуправляемыми. От них всего можно ожидать. Они могут напасть даже на дворец Эсенкана. На всякий случай на берегу моря Жантак необходимо разместить жайсанов для охраны города. Так решил Конурбай.

— Два тумена жайсанов расположи на берегу Жайнака, — приказал Конурбай Чангели.

Он сердцем чувствовал, что над ним сгущаются большие неприятности.

— Хорошо, таксыр! — Чангели выразил поклонение.

Дорога на Басанг-Тоо в сторону запада привела богатырей на земли Кыр-Кайынг, где паслись лошади кангайского народа табунами на пастбищах. Несметное количество лошадей на горных склонах под весенними солнечными лучами напоминало муравьев на муравейнике. От такого богатства кангайского народа в виде множества лошадей на одном пастбище, показалось Алмамбету, будто собрали на одном месте всех лошадей кыргызского народа. Богатыри узнали те табуны лошадей, которых угнали

жайсаны кангаев во главе с Конурбаем после поминок Кокетея. Но между табунами и богатырями легла огромная река Кара Суу Каспана. Если богатыри поставили цель быстрее доехать до земли Басанг-Тоо, то им нужно было продолжить путь по берегу реки, не переправляясь через нее. Увидев родные табуны лошадей, у богатырей разгорелись глаза. Карткурен и Сарала заржали в сторону знакомых табунов лошадей, в свою очередь те тоже подали голос приветствия. Богатыри переглянулись между собой. Без слов они поняли друг друга и одновременно рванули в сторону бушующей реки. Алмамбет хорошо знал броды Шыта-Кечуу и Таш-Кечуу. Решили переправиться через реку по этим бродам. Когда вошли в воду, ее уровень был до груди скакунов, далее она дошла до седел. Скакуны поплыли по реке, как гуси, будто обучались плаванию очень давно. Богатыри радостно и гордо взглянули друг на друга.

Как только они доехали до невысокого отрога, навстречу выскочил на него всадник с другой стороны. Это был кангайский глава табунщиков Карагул на скакуне Торайгыре.

— Кто вы такие? Куда путь держите, богатыри? — спросил он.

При этом Торайгыр играл на вершине отрога, не мог он стоять спокойно. Алмамбет заметил, что он нагружен двумя

мешками песка, будто его хотели придавить к земле, а то он летел бы по воздуху.

— Я хан из города Чынмачын племени кангуры, — Алмамбет двинулся к нему, чтобы схватить поводья Торайгыра, при этом говорил не переставая. — Говорят, правитель сазаншонов Макел-Малгун погнал бурутов в горы Тянь-Шань. Я хочу убедиться в этом, чтобы перекочевать в Анжиян.

— Я не слышал про такую весть, — Карагул отодвинул своего скакуна в сторону. — Мне не нравятся ваши глаза. Они смотрят враждебно. Особенно глаза вашего джигита.

— Я к тебе с хорошими вестями, — упрекнул Алмамбет Карагула. — А ты говоришь про мой взгляд. Совсем одичал вместе с табунами.

— Я говорю то, что вижу, — Карагул двинул еще дальше своего скакуна. — Ваш джигит — не джигит вообще, а какой-то ханзада. Отпрыск великих богатырей.

— Правильно говоришь, — согласился Алмамбет. — Но он не говорит и не слышит. Глухонемой от роду.

— Ваш скакун тоже подозрительный, — Карагул указал на Карткурена. — Особенный скакун. Но он чужой. Не наш скакун.

— Правильно говоришь, — Алмамбет рассмеялся. — Он к нам попал в качестве дара от людей Макел-Малгуна. Они

отобрали его у бурутов. Я его оставлю у тебя. Заберу на обратном пути.

Алмамбет молниеносно снял узду с головы Карткурена. Скакун помчался к табунам лошадей с громким ржанием. Со стороны табунов тоже побежали лошади навстречу к нему. Алмамбет двинул Саралу ближе к Торайгыру.

— Не приближайтесь! — крикнул Карагул и ударил по бокам Торайгыра ногами.

Торайгыр, как стрела, полетел в сторону Чет Бейджина. Следом виден был только клубок пыли.

— Не смогли его связать, — Алмамбет огорчился. — Теперь калмыки сбегутся к нам. Сыргак! Угоняем весь табун лошадей!

Он ударил по щиту и подал лошадиный голос Карткурену.

— Сыргак! Гони лошадей! — Алмамбет помчался в сторону брода Шыта-Кечуу.

Сыргак, тоже ударяя по доолбасу и громко крича, выгонял табуны гурьбами в сторону брода вслед за Алмамбетом. Карткурен за Алмамбетом, во главе табунов, вошел опять в воду реки Кара Суу Капсана. Как только все лошады стали входить в воду, следуя за Карткуреном, Алмамбет вернулся обратно, чтобы помогать Сыргаку подгонять лошадей вслед за Карткуреном. Через некоторое время, казалось, все пастбище двинулось со своего места.

Все табуны лошадей, как селевой поток, рванули к броду Шыга-Кечуу. В лагере табунщиков поднялся переполох при виде табунов, движущихся в сторону реки. Поначалу никто из табунщиков не мог понять, что же произошло с табунами лошадей. Посередине лагеря промчался Карагул с криком:

— Враги!!! Угоняют лошадей!!!

Все шестьсот табунщиков выскочили со своих шатров. Один за другим, они оседлали своих скакунов, которые паслись отдельно от табунов лошадей. Многие скакуны находились на привязи.

Земли Кыр-Кайынг стонали от топота копыт. Громкие крики людей смешались с гулом земли, отчего казалось, будто горы смещаются и качаются в разные стороны. Будто вот-вот они упадут, превращаясь в отдельные валуны, неся с собой смерть, горе и страдания от боли. Карткурен переправился через реку по броду. Лошади плыли по воде за Карткуреном. Все табуны стремительно бросались в воду, чтобы пресечь волны реки. Кому было трудно бросаться в воду, на берегу начали метаться в разные стороны из-за узкого прохода к реке. Половина табунщиков решили остановить лошадей на берегу, чтобы прекратить их движение к броду. Дорогу им перекрыли Алмамбет и Сыргак. Они смогли выпустить в сторону табунщиков по пять стрел из луков. Десять человек выпали из седел, невольно встретив на своем пути смертельное оружие.

Остальные табунщики испугались и замедлили свой набег. Алмамбет направил Саралу в гущу табунщиков, держа в руке копьё. Сыргак вытащил из ножен знаменитую саблю Жойкума. При виде грозного вооружения богатырей табунщики вынуждены были разбежаться в разные стороны. Нескольких табунщиков Алмамбет сшиб с коней копьём, головы их были отсечены острым лезвием Жойкумы. Алмамбет увидел Карагула на берегу, тот начал пикой прокалывать животы лошадей, чтобы они не могли двигаться.

— Сыргак! — крикнул Алмамбет. — Смотри, что делает глава табунщиков Карагул!

Оба богатыря помчались наказать Карагула, заметавшегося при виде направленных на него двух копий одновременно. Недолго думая, Карагул направил своего Торайгыра в сторону обрыва на берегу Кара Суу Капсана. Вместе со скакуном он исчез в реке. Алмамбет увидел, что Торайгыр перевернулся в реке, оправился и поплыл к противоположному берегу. На скакуне Карагула не было.

— Как жаль, что его не достали! — огорчился Алмамбет. Ему очень сильно понравился Торайгыр.

— Не огорчайся, Алмамбет ава! — утешил Сыргак Алмамбета. — На том берегу его поймает.

Но они видели, что Торайгыр переплыл реку и помчался в сторону Чет Бейджина.

— Уже не поймаешь, — Алмамбет усмехнулся.

Богатыри тоже переплыли реку через брод и погнали весь огромный табун лошадей в сторону Басанг-Тоо. Они не могли видеть, что Торайгыр добежал до дворца Конурбая и заржал так сильно, что выскочил во двор сам Конурбай. Он понял без слов, что табуны лошадей угнаны бурутами.

— По ко-о-н-ям!!! — изо всех сил заорал он и вскочил на Алгару...

Начало войны

Конурбай помчался в погоню за Алмамбетом и Сыргаком, чтобы отбить табуны лошадей у бурутов. Он еще не знал, какими силами буруты напали на пастбище. Охраняли лошадей шестьсот табунщиков во главе с Карагулом. Они не могли уступить малым силам бурутов, если только не приехали мастера военного дела. Поэтому Конурбай взял с собой несколько тысяч жайсанов во главе с Чангели. Отправил своих помощников к некоторым главам племен и родов, чтобы они следовали за ним на запад на встречу с бурутами. К нему присоединились и другие богатыри кангайских родов и племен. Старый воин Ушан богатырь привел часть своего войска. По пути присоединились Жолой и Нескара со своими людьми. Не мог не принять участие в общем деле Бозкертук сын Токшукера. Только для того, чтобы отбить табуны лошадей, собралось по велению Конурбая войско в несколько туменов жайсанов. Спешный сбор войск не понравился никому. Все были недовольны действиями Конурбая. Старец Ушан подъехал Конурбаю.

— Калча Конур, послушай, — посоветовал он. — Впереди нашего войска должна идти передовая часть.

— Зачем?! — небрежно бросил Конурбай. — Мне нечего опасаться. Пусть опасаются те, кому страшно.

Конурбай отделился на Алгаре вперед на сотни шагов. Остальные главы родов и племен выстроились в один ряд. Старец Ушан покачал головой. Ответ Конурбая он принял как оскорбление...

На берегу реки Марал-Суу, что протекала, пробивая предгорья Басанг-Тоо, ожидали разведчиков Манас и Чубак. Они не исключали, что Алмамбет и Сыргак могут угнать скотину кангайского народа, но не могли предположить, что они угонят именно табуны своего, кыргызского, народа. Целых два дня и две ночи они занимались размышлениями об устройстве будущего сражения с кангайским войском. Алмамбет рассказывал, что река с названием Марал-Суу является одним из притоков большой реки Кара Суу Каспана. Следуя по берегу Кара Суу Каспана, можно добраться до Чет-Бейджина. Он говорил, что на обратном пути от Чет-Бейджина они будут возвращаться по берегу этой большой реки. Она протекала в предгорных землях, по бескрайним кангайским степям. В месте притока Марал Суу находились горные участки. К самой реке гора примыкала небольшим отрогом, дальше удалялась гребнем, возвышаясь выше и выше, создавая извилистый кривой горный выступ от земли, примыкающий к горе Тал-Чоку. Этот горный выступ находился к северу от реки Марал-Суу и создавал замкнутое круглое

пространство вдоль большого участка реки по ее длине. А это замкнутое пространство огромной величины в длину и ширину полностью состояло из предгорья, где были и поля, и равнины, отделенные плоскими отрогами. А по южной стороне реки к ней примыкали горные крутые склоны. Манас и Чубак подъехали к большому дереву.

— Эх, Чубак! Очень хочется поспать рядом с этим тополем, — размечтался Манас. — Давай я посплю. А ты следи за дорогой на том горном хребте.

Манас показал Чубаку место, где он должен был располагаться и наблюдать в ожидании приезда разведчиков.

Алмамбет и Сыргак не стали сильно гнать лошадей, чтобы они не переутомились в пути. Они часто останавливались на отдых. Оставалось еще два дня и одна ночь, чтобы доехать до Басанг-Тоо. К вечеру решили остановиться на берегу речки Аят, еще одного притока Кара Суу Каспана. Местность называлась Чон-Камыш. Алмамбет отправился к переднему краю табуна, чтобы преградить его движение вперед. Вдруг из середины табунов выскочили семеро всадников, которые направились прямо к нему, к Алмамбету. Он еще не снял с себя свою калмыцкую шубу.

— Куда вы гоните лошадей? — спросил глава семерых жайсанов. — Дальше нельзя. Там вас могут встретить буруты.

Алмамбет понял, что они принимают его за калмыцкого табунщика.

— Кто вы такие?! — громко спросил он. — Откуда вы взялись?

— Меня зовут Чалаба, — тоже громко ответил всадник, видимо хотел напугать табунщика своим положением. — Помощник калчы Конурбая.

Дальше он рассказал, что в этих землях находится в поисках правителя сазаншонов Макела-Малгуна, который отправился встретить бурутов. Но нашли только его останки без головы и больше не встретили никого. Алмамбет сообразил, что не следует отпускать этих людей живыми, а то станет известна кангайцам смерть Макела-Малгуна.

— Сыргак! — крикнул он. — Нападай!

Он рубанул одного жайсана саблей. Пока жайсаны пытались вытащить свое оружие, он успел поранить и второго. Просвистели стрелы из лука Сыргака, что заставило троих жайсанов выкрикнуть проклятия и упасть на землю со своих скакунов. Алмамбет взял копье и погнался за Чалабой, который рванул в сторону Чет-Бейджина. Сыргак погнался за последним жайсаном. Через некоторое время все было завершено. Души семерых жайсанов отправились на небеса. Лошади из табунов с удивлением смотрели на людей, которые решали свои вопросы с помощью оружия...

Рано утром, чуть забрезжил рассвет на вершинах гор, Карткурен начал беспокоиться. Он не мог стоять на одном месте, с ржанием подходил к толпе лошадей и начинал их подгонять, чтобы они двинулись в путь.

— Смотри, Сыргак! — Алмамбет разбудил спутника. — Видишь, Карткурен почуял приближение погони. Давай вперед! Гони лошадей.

— А вы, Алмамбет ава! — Сыргак вскочил со своего места. — Что будете делать?

— А я буду встречать Конурбая, — спокойно сказал Алмамбет. — Только он может погнаться за нами. Только немного поразмышлять нужно.

Алмамбет начал подбирать место для встречи Конурбая. А Сыргак погнал лошадей дальше вперед. Табуны лошадей удачно переправились через речку Аят и двинулись в сторону Басанг-Тоо. Сыргак вывел Карткурена на передний край табуна и погнал его одного на запад. Карткурен будто понял намерение Сыргака. Теперь он сам возглавил движение табуна и помчался вперед, тихим ржанием приглашая всех лошадей за собой. Дальше они побежали без подгонок, самостоятельно. Сыргак вернулся к Алмамбету.

— Слушай, Сыргак, — сказал Алмамбет. — Видишь, впереди расположен огромный скальный утес до речки.

— Вижу, Алмамбет ава.

— Ты устрой там засаду. Как только калмыки перевалят отрог, где мы сейчас стоим, я побегу от него.

— Что я должен делать?

— Я проскочу рядом с утесом.

— Понял, Алмамбет ава. Я сбоку нападу и ударю копьем.

— Точно, Сыргак.

— А что делать, если за вами погонятся много жайсанов?

— Конурбай, когда увидит меня, захочет взять верх над старым врагом. Он не допустит, чтобы за мной погнались другие.

— Понятно, Алмамбет ава.

Сыргак проехал дальше и скрылся за утесом. Алмамбет на играющем Сарале остался ждать приближения калмыцкого войска...

Впереди всего войска ехала толпа конников. На переднем крае гарцевал Конурбай на своем беспокойном скакуне Алгаре. За ним ехали строем в один ряд сын Кырмус шаа Мурадыл, рядом с ним знаменитый Нескара, калмыцкий старец богатырь Ушан и Жолой на Ачбуудане. За ними конное войско в десять тысяч жайсанов. Вдали виднелась пешая часть калмыцких войск, которая напоминала земную кору, что пришла в движение...

Когда ехавший впереди войска на Алгаре Конурбай достиг границы отрога, где его поджидал Алмамбет, тот на Сарале

выскочил перед ним. При виде Конурбая он запомнил свои наставления Сыргаку. Его охватила ярость.

— Ма-на-ас! Ма-на-ас!!! — бросил изо всех сил уран и помчался в сторону Конурбая с копьём в руке. Сарала вмиг настиг Алгару, тот даже не успел увернуться от удара. Удар копьём пришелся сбоку с левой стороны, прямо в щит, который Конурбай сумел подставить под удар Алмамбета. Конурбай, чтобы не выпасть из седла, успел схватиться за шею Алгары. Навстречу Алмамбету выскочил из строя богатырь Мурадыл на быстром скакуне Кызылжейрен с копьём в руке. Алмамбет выправил свое копьё, направив его наконечник прямо в грудь Мурадыла. От удара Мурадыл упал на круп скакуна и свалился на землю. Калмыцкие богатыри завопили от огорчения. Крик, шум и топот копыт подсказывали Алмамбету, что пора уже удирать. Алмамбет повернул Саралу в сторону речки Аят...

Конурбай упал с коня, когда подъехали основные силы войска. Неожиданное нападение Алмамбета сильно его испугало. Он даже не предполагал, что такое может произойти. Он кусал губы, огорчаясь, что не отправил вперед передовые части войска. Всему войску стало известно, что он сильно испугался, поскольку понадобилось вмешательство чародеев и заклинателей, чтобы привести его в чувство. Злорадствовали многие жайсаны из его войска, которым попадало от бешеного нрава их жайсанбашы.

— Где мои богатыри?! — кричал Конурбай. — Почему они позволяют напасть на меня бурутам?!

— Ты же герой! — издевался над ним богатырь Ушан. — Ты же никого не боишься. Давай, отправляйся за Алмамбетом. Свяжи его.

Конурбай простонал. Не от боли в теле, а от душевной боли, Алмамбет его мигом обесчестил перед всем войском. Даже старые люди издеваются над ним. Не мог он ответить богатырю Ушану, который, взяв с собой несколько жайсанов, погнался за Алмамбетом...

Сыргак, представляя погоню за Алмамбетом и свое внезапное нападение на Конурбая, рассчитывал попасть прямо в сердце противника копьем. Однако погоня непомерно задерживалась. Он решил взглянуть на происходящие события и выскочил из своей засады на возвышенность, откуда можно было разглядеть передвижения противника. В это время Ушан уже гнался за Алмамбетом со своими людьми. Шум и крики погони доходили до ушей Сыргака. Он погнал своего скакуна Кокказыка навстречу погоне. Старый богатырь Ушан слетел с коня от удара копья Сыргака. Но следующий за Ушаном калмыцкий богатырь Бороончу успел ударить за Ушана в ответ копьем в плечо Сыргака. Чтобы помочь Сыргаку, Алмамбет развернул Саралу. Сумел он ударить копьем в бок Бороончу, который согнулся от боли на шею своего

коня. К ним с калмыцкой стороны приближалось много копейщиков, шумя и крича уран. Пришлось покинуть поле сражения богатырям Алмамбету и Сыргаку...

Коктеке щипал прошлогодние травы рядом с Чубаком, который наблюдал за бескрайним простором кангайских земель. Вот прошел самый крайний отрог, докуда достигала острота зрения, огромный табун из несметного числа лошадей. Впереди всего табуна красовался Карткурен. Чубак обрадовался успеху родных богатырей. Значит, они сумели отбить табун. Вот оно что, вот почему Сыргак водил с собой Карткурена, любимого коня Ажыбая. Взял он Карткурена, чтобы его использовать в качестве вожака для большого табуна. Молодец, Алмамбет. Это он велел Сыргаку взять с собой Карткурена. Через четверть дня показались двое всадников, которые мчались в сторону Чубака. Он почувствовал, что эти всадники убегают от большой опасности. И, подтверждая его мысли, через мгновенье показалась за ними погоня. Множество всадников гнались за первыми двумя. Чубак догадался, что два всадника — Алмамбет и Сыргак. Чубак прокрутился на месте. «Эх, ребята, был бы я рядом с вами», — горько он сожалел, что находится так далеко от них. «Надо разбудить Манаса». Чубак вскочил на Коктеке и помчался к тому месту, где прилег Манас, чтобы поспать некоторое время.

Но на полпути он остановился и повернул Коктеке обратно. Ему показалось, что сейчас важнее оказать помощь убегающим богатырям. Он помчался на Коктеке навстречу калмыцким погонщикам в обход табунов лошадей. С громким ураном «Ма-на-ас!» он набросился на настигающего Алмамбета противника. Им оказался калмыцкий богатырь Бозкертик, сын Токшукера, который испугался внезапного нападения Чубака и повернул своего скакуна обратно. Чубак не остановился, еще сильнее погнал Коктеке и ударил копьём по спине Бозкертика, воина, уклонившего от сражения. Огромный великан рухнул на землю. Участники калмыцкой погони остановились, опасаясь богатырей бурутов, которые навязывают бой противникам, несмотря на их численное превосходство. Теперь уже три богатыря, подгоняя лошадей, уехали далеко вперед в сторону Басанг-Тоо. Только теперь Чубак вспомнил о спящем у тополя Манасе. Его надо разбудить. Он помчался на Коктеке вперед, оставляя за собой Алмамбета и Сыргака с табунами лошадей. Чубак прискакал к тому месту, где он оставил Манаса, и убедился, что великодушный спит богатырским сном.

— Ма-на-ас! Вставай! Враг уже рядом! — Истошный крик Чубака не смог разбудить богатыря.

— Ма-на-ас! Проснись!

Чубак с разбега Коктеке ударил Манаса плеткой. Манас даже не пошевелился.

— Ма-на-ас!!!

На этот раз Чубак ударил копьём по заднице Манаса. Только теперь Манас поднял голову.

— Что случилось?!

Манас огляделся по сторонам и увидел Чубака с копьём в руке.

— Откуда прискакал? Почему Коктеке дышит тяжело? — спрашивал Манас в полусне.

— Наступают враги! Они гоняются за нашими братьями!

От злости Чубак еле удержался от бранных слов.

— Где? В каком месте? — спросил Манас, не переживая за судьбу богатырей.

— Через четверть дня они будут здесь, — ответил Чубак высоким голосом.

— Ну что ж, мы готовы их встретить, — спокойно сказал Манас и обратился к Чубаку: — Верно говорю, да, Чубак?

Чубак посмотрел на Манаса. Тот нисколько не беспокоился, что было удивительно для Чубака. Он спешился и побежал снаряжать Айманбоза к бою, пока Манас приведет себя в порядок.

— Не спеши, Чубак! — подал голос Манас. — Успеем.

Оба богатыря, каждый на своих скакунах, промчались до ближайшей возвышенности, чтобы разглядеть обстановку.

Позади огромного табу на двое всадников, чтобы ускорить его движение, гнали лошадей пробежками своих скакунов в разные стороны. Это были Алмамбет и Сыргак. За ними, на расстоянии в пол-чакырыма, мчался большой отряд кангайских жайсанов.

— Помогай Алмамбету и Сыргаку! — крикнул Манас и сам тоже помчался вбок от табуна...

При приближении к табунам кангайских конных жайсанов, лошади увеличили усилия и побежали еще быстрее. Получилось, что калмыцкие жайсаны сами гонят своих лошадей в земли бурутов.

— Кангайцы! — закричал Жолой изо всех сил. — Жайсаны! Скачите в обход табуна! Остановите лошадей!

Алмамбет подскакал к Чубаку.

— Чубак! — попросил Алмамбет. — Незаметно подкрадись к Жолою.

— Как? — спросил Чубак, скача рядом с Алмамбетом.

— Прижмись к шее Коктеке сбоку, — объяснил Алмамбет. — Нападай копьём.

Чубак сделал точно так, как подсказал Алмамбет. Подъехал близко к Жолою и выправился в седле. Напал на Жолоя, ударив его копьём. Жолой свалился на землю. Ачбуудан остановил свой бег и подошел к бессознательному телу хозяина. И тут свалился со своего Коктеке богатырь

Чубак от удара старца Ушана, который в свою очередь оказался на земле от удара Алмамбета.

— Что с тобой, Чубак?! — закричал Алмамбет, помогая ему встать и сесть на коня. — Не смог выдержать удар старца.

— У старого волка, — засмеялся Чубак, — всегда есть силы для одного барана.

Он себя называл бараном, за что пропустил удар Ушана.

— Точно! — поддержал его Алмамбет.

Он тоже засмеялся. Оглянувшись по сторонам, Алмамбет увидел, что Нескара помог Ушану сесть на своего коня. Но при этом получил внезапный удар копьем от Сыргака.

— Сыргак! — Алмамбет позвал богатыря. — Сообщи нашему войску, пускай выдвигаются на встречу с врагом.

От движения большого количества лошадей поднялся огромный клубок пыли, который начал распространяться по всей округе. Невозможно было различить людей, даже тех, кто находился в двух шагах. Сыргак умчался на своем Кокказыке в сторону тех земель, где расположились зимовать кыргызские войска. Манас, Алмамбет и Чубак, воспользовавшись поднятой пылью, стали неузнаваемы среди калмыцкого войска. То одного, то второго, то третьего калмыцкого богатыря сваливали с коней удары копий троих кыргызских богатырей. Шум, крики и удары по доолбасам создали неразбериху среди кангайских жайсанов.

— Бей бурутов! — крича по-калмыцки, Алмамбет бьет копьем жайсана.

— Это ты почему меня бьешь?! — орет от боли жайсан, хватаясь за гриву своего коня. — Я не бурут!!!

Ушан посоветовал Нескаре остановить безумие. Прозвучал звук вражеского доолбаса, оповещая, что правители велют прекратить наступление. Табуны лошадей, прикрытые пыльными завесами, пробежали через ущелье и скрылись за огромным утесом, которым оканчивались высокие горы Басанг-Тоо...

Мудрец Бакай находился на гребне горы Улар-Таш, поглядывая на дорогу в надежде увидеть хоть какую-нибудь весточку от богатырей-разведчиков.

Прошло довольно много времени, как самые главные люди войска уехали на разведку. Уже пора в путь. Весна уже пришла и греет все на свете. Даже душу у каждого воина греет. Она у каждого аскера становится радостной и боевой. Но внутреннее чутье подсказывает: что-то не то с богатырями. Надо уже самим двигаться, не ожидая приезда разведчиков. Так решил Бакай. Собрал он всех глав племен и родов. Посоветовавшись между собой, начали готовиться к походу в Чет-Бейджин. По замыслу Алмамбета, часть войска будет отвлекать главные силы кангайских войск в землях Чет-Бейджина. Другая часть войска будет продвигаться в

сторону острова Мангуба, чтобы начать войну с чудовищами. Чтобы еще раз посмотреть на дорогу в Чет-Бейджин, Бакай поднялся на гребень горы Улар-Таш.

Увидел он, что вдали одинокий всадник скачет что есть мочи, изнемогая от бессилия. Простоял Бакай на гребне горы, пока всадник не подъехал поближе, и начал спускаться по склону ему навстречу. Всадником оказался Сыргак. Невозможно было узнать его в лицо. Он сам и его скакун были покрыты толстым слоем пыли. Пыль смешалась с потом и кровью, создавая непонятную оболочку.

— Что случилось? — спросил Бакай.

Сыргак не мог сразу ответить. Только через некоторое время к нему вернулся дар речи.

Сыргак рассказал Бакаю, как они угнали многотысячный табун лошадей на пастбищах вместе с Алмамбетом и как кангайцы погнались за ними, чтобы отбить лошадей. Пригнали их до того места, где ждали Манас и Чубак, и в это время настигли их передовые части кангайских войск.

— Кангайцев очень много, Бакай ава, — рассказал Сыргак. — Трое наших богатырей развязали войну с многотысячным войском. Нужно немедленно выступить.

— В таком виде не показывайся нашему войску, всех напугаешь, — Бакай отправил Сыргака к речке, чтобы он помыл своего скакуна Кокказыка и привел себя в порядок...

Бакай велел всем главам родов и племен выступить в поход в сторону Чет-Бейджина. Через четверть дня объединенное войско кыргызского каганата пришло в движение. Вновь били барабаны и доолбасы, запели кернаи и сурнаи. Многие выкрикивали свои ураны. Взвились ввысь и развевались стяги и знамена родов и племен. Пространство заполнилось торжеством и угрозой всему, что было на пути этого войска. Оно будто тосковало по сражениям. Движение войска было таким стремительным, будто оно само захотело войны. Не было никакой неразберихи. Все аскеры разных туменов быстро нашли свои пути на восток — следствие упорной подготовки воинов под руководством Алмамбета. Пока Алмамбет находился в разведке, упражнениями воинов руководили сорок чоро Манаса, которые отрабатывали с кучками аскеров приемы боевых действий. Когда возникала необходимость напасть на вражеские войска сбоку, применялась «зацепка быка». Она заключалась в разделении войска на две части, где маленькая часть увлекает врагов за собой перед второй частью, в которой сосредоточены основные ударные силы. Она и наносит мощные удары сбоку, не давая врагу возможности перестроить свои силы. С помощью приема «сечь кабана» кучка воинов стремительно выходила из окружения. При помощи приема «волчья стая» аскеры сами окружали врага и уничтожали в

кратчайшее время. Используя прием «собачий бой», аскеры малыми силами дрались с превосходящим по численности врагом. Были и другие боевые приемы, над которыми работали сорок чоро Манаса, обучая всех воинов объединенного войска. Вот теперь пришло время пользоваться боевым искусством, чтобы уничтожить племя сазаншон, что являлось угрозой всему человечеству.

Двинулось впереди войска знамя Бакая. За ними потянулись все остальные тумены родов и племен. Бакай со своими людьми оказался в центре движения. Его окружали семь туменов справа, семь туменов слева и остальные сзади. Однако у всех туменов были намечены свои пути движения в одном направлении, и через некоторое время войско разошлось полосами по своим путям. Все главы имели своих проводников среди туменов, с которыми они связывались через помощников. Все сорок чоро Манаса и сорок ханов народов разных земель находились рядом с Бакаем, чтобы услышать свои задачи в предстоящем бою с войском кангайцев...

Когда Конурбай пришел в себя после того, как потерял сознание от испуга, ему очень захотелось напугать бурутов точно так же, внезапным нападением из засады. Но это потом, когда буруты будут наступать в земли кангайцев. А сейчас нужно вернуть добро, табуны лошадей, что угнаны

богатырями бурутов. Он на Алгаре примчался к своим богатырям, которые остановились из-за пыльной неразберихи вокруг.

— Что встали?! — обрушился на всех Конурбай. — Упустили бурутов?!

— Из-за пыли невозможно было увидеть противника, — объяснил Жолой спокойно. — А лошадей мы не могли обогнать. Они перекрыли нам пути объезда.

— Сколько их было? — спросил Конурбай.

— Трое.

У Конурбая волосы дыбом встали. Если три бурута устраивают такой шум среди кангайцев, что будет, когда все буруты окажутся среди его людей? Он покачал головой.

— Ладно, — согласился Конурбай. — Они не могут вечно гнать лошадей вперед. Мы должны попытаться догнать их.

Он не мог обвинять богатырей в трусости. Он сам показал пример трусости, потерял сознание от испуга. А они гнались за врагом до конца, пока не поняли бесполезности своих действий.

— Ну, вперед! — Конурбай ударил пятками по бокам Алгары.

Алгара рванул следом за бурутами, которые скрылись за утесом с табунами лошадей. За ним поехали остальные богатыри...

Устали или почувствовали, что прекратилась погоня, но табуны лошадей сбавили скорость и через некоторое время остановились рядом с желтым лугом, где начали щипать прошлогодние густые травы. Трое богатырей, Манас, Алмамбет и Чубак, с пониманием отнеслись к поведению животных. Они дали им волю. Не стали их тревожить и гнать вперед ради своих интересов. Хотя обстановка требовала двигаться как можно быстрее. Сзади за ними гнался враг. Враг лютый, коварный и беспощадный. Они близко узнали его на поминках Кокетея. Переговорить и подружиться с ним невозможно. Враг жаждет мести за оскорбление — угон лошадей.

Вот и враги, вынырнули из-за утеса большой толпой. Во главе толпы, на Алгаре сам Конурбай с копьем в руке стремительно рвался вперед, чтобы сразиться с бурутами ни на жизнь, а на смерть. Следом за ним показались те, которые чувствовали себя обиженными из-за упущенной добычи. И они теперь будут пытаться изо всех сил вернуть себе то, что враг отобрал, вырвав изо рта.

«Желание сбывается», — подумал Манас и рванул навстречу к Конурбаю. Присоединились к нему справа Алмамбет и слева Чубак. Копье Конурбая отскочил от щита Манаса, сам Конурбай упал от удара Манаса на круп Алгары, далее на землю. Пока Манас готовился отсечь ему голову, калмыцкий богатырь Бороончу напал на него с

копьем. Манасу пришлось отсечь древко копья Бороончу и наклонился на бок Айманбоза, чтобы не получить удар другим оружием. Алмамбет смог копьем ударить Бороончу по спине, тот свалился на землю. Дальше калмыцкие богатыри окружили троих и начали их теснить на берег реки Кара Суу Каспана.

— Взять Манаса живьем!!! — кричал Конурбай.

Манас старался найти Конурбая среди калмыцких богатырей, чтобы отсечь голову дракона, но не мог он его увидеть, оглядываясь по сторонам, отбиваясь от ударов неприятелей. Враги пытались разделить их троих и окружить по отдельности, по одному. Трое богатырей заметили желание врагов и не давали им ни малейшей возможности осуществить задуманное. Они вместе, сражаясь с врагом, отступали в сторону брода Кел-Кечуу, чтобы переправиться на другой берег Кара Суу Каспана.

Течение реки было сильным, а брод — очень глубоким, поэтому их унесло и трое богатырей на своих скакунах всплыли в воде. Увидев положение Манаса, Конурбай обрадовался. Ему показалось, что теперь Манаса можно легко пробить копьем. Когда он ударил Манаса копьем, тот поймал копьё Конурбая за бунчук. Конурбай тянет себе копьё, чтобы отобрать его, а Манас не пускает и плывет вместе с копьем в сторону Конурбая. А когда толкает копьё Конурбай, чтобы пронзить бурута, в расчете, что бунчук

сорвется, Манас плывет в обратную сторону. Манас сильно разозлился от такой безвыходности. Он не мог подтянуть Конурбая к себе и не мог дотянуться до него. Все жайсаны Конурбая с интересом принялись наблюдать за соперничеством богатырей. Некоторые стали смеяться беспомощности обоих. Алмамбет и Чубак, воспользовавшись увлечением жайсанов схваткой своего калчы, выкарабкались на берег со своими скакунами и с яростными уранами напали на Конурбая. При виде двух разъяренных богатырей Конурбай испугался и дал деру. Он от испуга не смог принять бой и, бросив копье, ускакал на Алгаре в глубину своего войска.

— Взять его живым! — кричал Конурбай своим людям.

На что он рассчитывал, было понятно. Опять войско Конурбая окружило богатырей. Чубак и Алмамбет снова вошли в воду со своими скакунами и постарались вытащить Манаса на другой берег реки Кара Суу Каспана. Но старец Ушан заранее заставил переправиться нескольких жайсанов для того, чтобы ждать богатырей на другом берегу. Поэтому пришлось богатырям проплыть по течению на некоторое расстояние и выйти на берег, чтобы приготовиться к нападению врагов с другого берега. Им нужно было вскарабкаться по крутым склонам горы Тал-Чоку, где резвость коней врага притупилась бы до невозможности.

Как только Манас вышел на берег, откуда не возьмись, перед ним встал Аккула. От радости Манас чуть не заплакал. Пронзительный боевой уран кыргызов рассек пространство:

— Ма-на-ас!! Ма-на-ас!!

Шум от ударов доолбасов, топот копыт многотысячной конницы и звон оружия создавали страшный гул, который, казалось, сметает все на своем пути. Оглядываясь по сторонам, Манас увидел, что калмыцкое войско со всех сторон бежит к себе, в Чет-Бейджин, во главе с калча Конурбаем. Аккулу привел Бакай ава.

— Спасибо, Бакай ава! — сказал Манас грубо, выражая то ли злость, то ли радость. — Вы в самое время. Айманбоз не может уже двигаться.

— Вам нужно было бежать от врага, — Бакай был вне себя от злости. — А вы устроили набег. Пороть вас некому.

— Бежать нам некуда! — разозлился Манас. — Неужели до вас не дошло, что нужно было двигаться? Пока не скажешь, ничего не делается.

Бакай запнулся. Да, он сам несколько раз подумывал о необходимости выхода на дорогу. Привыкли к тому, что кто-то должен сказать, что делать. Внутренне он был согласен с Манасом. Однако что-то в его чувствах не соглашалось с ним. Бакай не мог сообразить, что это могло быть.

Малая война

Кыргызское войско расположилось вокруг горы Тал-Чоку на предгорьях, устроив огромный лагерь. Богатыри сели кругом в огромном шатре Манаса. Огонь в очаге полыхал с невиданной силой, обхватывая своим теплом каждого сидящего в отдельности. Кому-то было приятно от тепла, кто-то отодвигался дальше от огня, а кому-то не хватало тепла, и он двигался к огню. Через некоторое время пламя уменьшилось, все сидящие застыли, будто уже никому ничего не нужно.

— Чуть было враги не отбили лошадей, — Манас улыбнулся. — Всем вам следовало двигаться быстрее.

— Нечего было Манасу, — возмутился Музбурчак, — самому полезть в разведку. Если бы он попал в плен, все наши дела пошли бы псу под хвост.

— Спасибо нашим богатырям Алмамбету и Чубаку, — выразил свое восхищение Урби. — Они, как могли, сберегли Манаса.

— Все наши замыслы осуществлены, — сказал Манас. — Враг думает, что мы приехали отбить угнанные табуны лошадей и отомстить за наших соотечественников.

— Это хорошо, — задумался Бакай. — Дальше идем в наступление.

— Пусть скажет нам Алмамбет, — сказал богатырь Тоштюк. — Все-таки он у нас аскербаша. Кроме того, пусть он расскажет итоги разведки.

— Да, пусть Алмамбет расскажет, — поддержал его Музбурчак.

— Да, — подал голос Санжыбек.

— Мы с Сыргаком сумели отправить большие силы калмыцкого войска в сторону Кентуна, — начал рассказывать Алмамбет.

— Как? Каким образом? — удивился Кокбори.

— Мы с ним заехали в города Тунгша, Чылан, Дарбан, Чын-Мачын и предупредили, что сбор войска против Манаса производится в Кентуне.

— И вам они поверили? — усмехнулся Урби.

— Мы были свидетелями, — утвердил Сыргак. — Войска некоторых городов уже выехали.

Далее Алмамбет рассказал о встрече с Жангиром, который согласился уговорить Эсенкана на заключение мирного соглашения в том случае, если связь с сазаншонами навредит кангайцам.

— С левой стороны нашего пути горы Кангайские, справа горы Кара Тоо, — продолжил Алмамбет. — Они наши знаки. Смотрите на них и поддерживайте связь с соседними туменами. Если Конурбай будет отступать в сторону безлюдных степей, гнаться за ним не следует. Будьте

бдительными, может быть, Жангир подаст нам знаки для примирения.

— Поэтому у нас возникали вопросы, — сказал Бакай. — Будем наступать или подождем действий сазаншонов?

— Будем наступать, — сказал Манас как отрезал. — Необходимо их вынудить прийти к мирному соглашению. Надеюсь, что никто не забыл, как ему действовать при наступлении.

Никто не проронил ни слова. Молчание — знак согласия. Разошлись богатыри по своим шатрам. В округе под ярким лунным светом были слышны только тихое ржание лошадей, свист легкого ветра и храп спящего аскера.

Конурбай никак не ожидал, что буруты будут наступать столь мощным по численности войском. Передовые части его войска спаслись бегством от бурутов, которые внезапно напали, спасая своих богатырей. Еще бы один день, и оказался бы Манас в мешке. Есть у него, у Манаса, сильный покровитель, сильнее, чем махаяна. Надо готовиться к обороне. Нельзя пропускать бурутов глубже в земли кангайцев. Пусть прибывают войска из разных городов. Когда все войска кангайцев соберутся в одном месте, бурутам несдобровать. Закопаем всех бурутов в одном ущелье.

Мысли Конурбая крутились над вопросом, что дальше делать. Красные его глаза сверлили с ненавистью сторону бурутов, утверждая его в мысли, как хорошо, что сами пришли буруты, не утруждая кангайцев. Теперь остается только принять меры по устройству конца света для бурутов. Спасибо, тебе Манас, что ты сам пришел своему концу.

Конурбай распорядился, чтобы сын Кырмус шаа Мурадыл со своим войском занял земли по правую сторону от себя на расстоянии дневного пути на коне. С левой стороны старец Ушан занял земли своим войском точно так же, как и Мурадыл. В центре расположилось войско Жолоя, в глубине войско Нескары, чтобы разгромить те силы противника, которые прорвали оборону Жолоя. Буруты будут наступать по многим направлениям, Конурбай и его люди предварительно предугадывали, по каким направлениям пойдут буруты в наступления.

Рано утром, как только забрезжил солнечный свет по вершинам гор, воины войск стали употреблять пищу из своих запасов. Каждый аскер из войска бурутов привел в порядок своих скакунов и снаряжение, оружие и защиту. Скоро прозвучал доолбас, извещая о начале выступления. Запели кернаи и сурнаи. У каждого аскера или жайсана сердце учащенно заколотилось в груди, заставляя дергаться

кровотоки на висках. Протяжное эхо не умолкая гудело вокруг, вселяя страх в сердца людей.

— Ма-на-ас! Ма-на-ас!!!

Боевой уран кыргызов рассекал горные скалы, как гром небесный.

— Кы-ыр-гы-ыз!!!

Приглашая к единению всех кыргызов, такой уран вызывал у всех гордость за свой народ. Никто не хотел оставаться безучастным в любом деле. Каждый аскер гордился тем, что он принимает участие в решающем сражении за человечество.

Музбурчак во главе десяти туменов напал на войско Мурадыла. Далее, на расстоянии однодневной езды, Жамгырчы эштеков во главе семи туменов войск напал на войска старца Ушана и Бороончу. По центру, где расположился Жолой со своим войском, с двух сторон пошли в наступление — с левой стороны хан Тоштюк во главе семи туменов, с правой стороны хан Урби во главе еще семи туменов аскеров. В ход пошли копыя, палицы и сабли. В самом начале из числа тех, кто держал оборону, полегли много людей. Защищаясь от нападения бурутов, они мешали друг другу, не могли двигаться, как хотели, в разные стороны. Только тогда, когда рассосалась толпа противников, движения стали свободными и соседние жайсаны не мешали им. Кто-то бил копьём, противник

уклонялся от удара. Кто-то замахивался мечом, а противник защищался щитом. В первых рядах были одни мастера боевых действий. Они были уверены в своих силах и возможностях. Прошло уже три дня, но преимущества какой-либо стороны не наблюдалось. Аскеры и жайсаны сражались молча, работали с большой осторожностью, только были слышны предсмертные стоны и крики тех, кто допустил промах, кто споткнулся случайно и моргнул глазом в то время, когда противник наносил смертельный удар. Воины топтали трупы, скакуны спотыкались, теряя устойчивость и мешая воинам действовать. Постепенно учащалось их дыхание, и начали уставать руки и ноги. Казалось, что силы у противников одинаковы. Но вскоре стало ясно, что буруты имеют численный перевес. Дополнительные силы калмыцкой стороны опаздывали. Конурбай сильно возмущался отсутствию многих военных глав городов, хотя они были извещены о наступлении бурутов со стороны горы Каспана, рядом с вершиной Тал-Чоку. К полудню прозвучали доолбасы, что отзывали воинов на передышку. И тут же пошли в наступление свежие силы бурутов. К вечеру воины от усталости не могли шевелить руками и ногами. Обстоятельства требовали от глав войск особых усилий, требовали прибегнуть к хитрым и премудрым путям ведения войны, чтобы обеспечить победу.

Вечером Алмамбет собрал всех глав войск в походном шатре Манаса. Пришел Кокче с простреленной рукой, Музбурчак жаловался, что левая рука бездействует из-за резаной раны мечом кангайцев. Урби был без единой царапины.

Смеялись богатыри над Урби, что он не стал воевать, а испугался сражений. Непреклонный видом хан Тоштюк не присоединился к смеху соратников.

— У нас наступление захлебывается, — сказал Алмамбет. — Никак не можем взять вверх над врагом. У кого какие появились мнения?

— Как-то мне говорили, — возмутился хан Тоштюк, — что уничтожить врага не нужно, чтобы они воевали с сазаншонами.

— Мы делаем вид, что наступаем, — Урби тоже поддержал Тоштюка. — А на самом деле защищаемся.

— А это все для того, — объяснил Манас, — чтобы не было много жертв с обеих сторон.

— Кангайцы получили необходимые время и сведения о нас, — сказал Алмамбет. — И мы смогли расчленить их войска. Теперь нам нужно гнать кангайцев до Чет-Бейджина.

— Чтобы гнать врага, — сказал Кокче, — нам нужно подключить к наступлению дополнительные силы.

— Вы их получите, — сказал Манас.

Далее разговор продолжился в русле, кому и какие дополнительные силы будут передаваться для усиления наступательных боевых действий. Разошлись богатыри по своим шатрам полные решимости поменять ход сражения, обратив врага в бегство.

Рано утром аскеры войска ханов Урби и Тоштюка устроили набег на жайсанов Жолоя с двух сторон. Однако на передовые силы войск полетели вражеские стрелы, будто поливали их водой из ведра. Войску пришлось организовать оборону из щитов, прикрываясь ими от стрел. Наступление войск ханов Урби и Тоштюка заглохло. Второй очередью в наступление пошли сорок туменов сорока чоро Манаса. Разделившись на две части, они обошли войско Жолоя с двух сторон, взяли его в кольцо. Таким образом, Жолой со своим войском оказался под действием «волчьей стаи». Передние части войска Жолоя отвлеклись на тумены сорока чоро Манаса и ослабили стрельбу из луков.

От огорчения, что наступление заглохло, хан Тоштюк разозлился так сильно, что вытащил из ножен свою саблю.

— Ма-на-ас! Ма-на-ас! — бросил хан Тоштюк уран и помчался в сторону Жолоя.

Он вспомнил, что на поминках Кокетей хана не смог он бороться с силачом Жолоем. А сейчас другое дело. Пусть он, Жолой, сразится на саблях.

От Тоштюка не отстал и хан Урби.

— Ма-на-ас! Ма-на-ас! — Громкий уран хана Урби поднял дух всех аскеров передних частей кыргызского войска.

Стрелы и пики летели навстречу друг другу. Аскеры и жайсаны передних частей войск уже начали бросаться друг на друга с мечами и копьями. Кони ржали от невыносимой нагрузки. Они не понимали, почему падают люди от стрел, почему бьют друг друга саблями, мечами и палицами. Почему седоки гонят их одновременно в разные стороны. Приходит время, когда седок падает на землю, и никому нет дела до них. Они могут идти куда пожелают. Приходит спокойствие, но надо остерегаться людей, которые хотят завладеть твоими поводьями. Надо уйти в сторону, где нет людей. Где нет войны, где никто никого не убивает.

Земля содрогается от топота копыт. Вновь войска идут навстречу друг другу. Вновь блестят мечи, сабли и копья. Вновь раздаются вопли, громкие крики и проклятия. Ударяет оружие по телам людей, нанося смертельные раны. Аскеры и жайсаны падают на землю и умирают. Умирают лежа, но встречают смерть стоя. Аскеры спасают человечество, жайсаны защищают свои земли. Богатыры ищут друг друга, чтобы помериться силами. Хан Бакай на скаку Кекчолока ударил копьем самого Жолоя. Будто кусок

скалы, тот свалился со скакуна Ачбуудана. Вмиг очутился рядом с ним богатырь Чубак с мечом, ударом его разрубил голову Жолая на две части.

В глазах воинов сотрясалась земля и Вечное Синее Небо, как будто слились они в одно целое. «Волчья стая» сделала свое дело. Войско Жолая подверглось набегу с четырех сторон. Помощник Жолая вынужден был дать знак своему войску отступать в сторону Кара Тоо. Он использовал прием «сечь кабана» и выскользнул из клещей окружения. Войско ханов Тоштюка и Урби не стали противиться отходу врага.

Сорок туменов аскеров сорока чоро Манаса набросились на свежие силы войска Нескары.

— Ма-на-ас!!! Ма-на-ас!!!

Оглушительный боевой уран туменов сопровождался набегом передних частей войска на жайсанов Нескары с копьями. Нескара и его окружение, возглавлявшие войско глубокой защиты, не ожидали, что Жолой со своим войском побежит в сторону Кара Тоо, чтобы спастись от бурутов. И вновь заработало оружие, направляемое жаждой убивать, блеснуть мастерством в убийстве и нанести смертельный удар. Падали люди со скакунов, пораженные стрелой в горло, в глаз или в сердце, кому-то отсекли саблей голову, воткнули в живот пику или меч в сердце. С обеих сторон погибали воины, падали скакуны. Манас и Алмамбет со

стороны наблюдали за ходом сражения. Воины с белыми калпаками распарывали и разрывали войска Нескары на несколько частей. Алмамбет ходил взад и вперед и чесал руки. Его тонкие губы шептали: «Давай, ребята, давай! Молодцы!» Казалось, Алмамбет был доволен ходом боевых действий в землях Конурбая. Глаза его горели, он смотрел на поле битвы в поисках самого Конурбая. Он ждал времени, когда побежит войско Нескары, вот тогда должен раскрыться путь к жайсанам Конурбая. Вот тогда Алмамбет сядет на Саралу и помчится на встречу с заклятым врагом. Тем, кто обрек его на скитания. Кто вынудил оставить любимую женщину. Кто расправился со всеми его родичами...

Жайсаны войска Нескары начали лишаться силы и мужества. Набеги буротов по приему «волчья стая» разорвали длинные ряды калмыцких войск. Войска Нескары большими кучками стали отходить в сторону Кангай Тоо, другие части войска — в сторону Кара Тоо вслед за войском Жолоя.

— Алмамбет! — крикнул Манас, показывая на калмыцкого богатыря, который на черном скакуне начал крушить ряды белокалпачных воинов.

— Это он! — Алмамбет вскочил на Саралу и помчался в сторону калмыцкого богатыря.

— Коня! — Громкий голос Манаса прогремел, заглушая все звуки войны.

Актаяк Акаяр быстро привел Аккулу. Сел Манас на Аккулу. Скакун рвался за скакуном Саралой. Манас ослабил натяжения повода, и он помчался как стрела вслед за Алмамбетом.

— Ма-на-ас!!! Ма-на-ас!!!

Оглушительный гул поддерживал народного героя. Люди понимали, что Манас сейчас сделает что-то невероятное, гул усилился еще больше...

Левое крыло войска во главе с ханами Музбурчаком и Жамгырчы распороли войска Ушана и Бороончу «схваткой ястреба» и погнали в сторону Кангайских гор. А правое крыло во главе с Санжыбеком и Кокче уже гнало войска Мурадыла и Бозкертика следом за войском Жолая в сторону Кара Тоо. Вот уже целую неделю войска с обеих сторон сражаются без передышки. Буруты добиваются преимущества за счет перевеса в численности. Калмыцкие правители не успели собрать необходимое количество жайсанов в своих войсках. Конурбай кусает губы до крови, озлобляясь на своих соотечественников, которые не могли прибыть с войсками. Он еще не знает, что Алмамбет отправил войска четырех калмыцких городов земли Чет-Бейджина в местность Кентун. Вот и Алмамбет поскакал на Сарале в сторону Конурбая. За ним готовится сам Манас, к

нему подводят великолепного скакуна Аккулу. Скоро он тоже помчится навстречу калмыцким силам. Конурбай велел создать «рог керика» против Алмамбета и Манаса. В виде клина он выставил одних копейщиков. Таких живых клиньев было немало — несколько по передней стороне всего войска. Противник невольно окажется между двумя клиньями и получит с двух сторон смертельные удары копьями, палицами и мечами. Он гордился своим способом ведения боя и насмеялся над Жолоем и Нескарой, которые не смогли устроить сильную оборону, а побежали на склоны гор. Они что, забыли, что буруты горцы? Придет время, Конурбай покажет им, трусам, как нужно воевать с бурутами. На два крыла от центра он разместил шесть туменов с целью захвата и окружения главных сил бурутов. Перед центром он расставил три боевых тумена по изогнутой линии и зашел в желтый походный шатер, где взвевался желтый стяг Алооке хана, его отца. Это он в свое время разогнал кыргызов по всему свету в расчете, что они исчезнут с лица земли. Теперь Конурбай доведет до конца дело, что недоделал отец. Он почувствовал большой прилив сил во всем теле и остался доволен своим решением.

— Мой калча, позвольте обратиться! — раздался рядом голос.

Оглянувшись, Конурбай увидел голову незнакомого человека в дверях шатра. Он сам стоял рядом с дверями,

только спиной к ним. Значит, как зашел в шатер, сразу и задумался.

— Да, проходите, — Конурбай прошел вглубь шатра.

— Меня прислал Эсенкан, — сказал незнакомец.

— Что ему нужно?! — Конурбай спросил грубо. Этим он хотел показать, что ему и здесь не сладко.

— Сазаншоны напали на наши земли, — незнакомец чуть не плакал. — Они съедают наших людей.

— Как это «съедают»? — У Конурбая раскрылся рот. «Значит, правы были калдаи». У него перед глазами промелькнули лица убитых калдаев.

— Обыкновенно, — вестник прослезился. — Отрывают головы людей руками и начинают их есть, как волки едят животных.

Конурбай представил себе стаю волков, которые разом нападают на барана, разрывают его на части и съедают, оставив на земле рога и копыта.

— Съедают полностью, не оставляя ничего? — спросил Конурбай помимо воли, просто чтобы переварить услышанный ужас в голове.

— Волосы да ногти остаются, — удивленно ответил вестник.

— Что-что? — переспросил Конурбай.

— Остаются волосы! — заплакал вестник.

Страх перед невидимой опасностью обуял Конурбая, но он понимал, что вестник еще не сказал самого главного.

— Что еще передал мне Эсенкан? — спросил Конурбай со злобой, хотя знал ответ на свой вопрос. «Защищать от сазаншонов».

— Велел срочно устраивать защиту от чудовищ, — сказал вестник, вытирая слезы.

— Больше ничего? — переспросил Конурбай.

— Сказал «срочно!» — повторил вестник.

Калча махнул рукой и отвернулся от вестника, который немедленно исчез.

Конурбай сразу вспомнил о набегах буротов, что-то кольнуло в сердце. Он выскочил из шатра. Вестник сидел на коня.

— На твоём пути не было войск? — спросил калча у него.

— Все войска собираются вокруг Чет-Бейджина, — ответил вестник. — Так всем повелевает Эсенкан, чтобы защищаться от чудовищ.

Конурбай снова отвернулся от вестника. «Вот оно что, а я думаю, почему не идут войска на помощь». Он готов был рвать на себе волосы. Поднялся на возвышенность, чтобы посмотреть, что же стало с набегом буротов...

Сначала Алмамбет, за ним Манас и Чубак, Сыргак и Кокче, все богатыри буротов прискакали к неприступной, по мнению калчы, «крепости» из множества туменов Конурбая.

Вокруг Манаса он увидел страшное зрелище. На голове Манаса крутилась хищная птица, готовая заклевать и схватить кого угодно из врагов, кто окажется на пути великодушного. С правой стороны в ярости рычал пестрый тигр. С левой стороны бежал, сопровождая Манаса, сивогривый волк, готовый загрызть любого врага великодушного. Окружали его сорок чильтанов, которые виднелись миражом, витая вокруг богатыря на скакунах с крыльями. Конурбай закачался, потряс головой и опять посмотрел на Манаса. Все, кто ему виделось вокруг Манаса, исчезли. Он схватился за свои воротники. Все, что ему рассказывал отец Алооке, ему тоже почудилось при виде богатыря бурутов. «Прав был мой отец», — подумал Конурбай. На скаку Аккулы богатырь Манас ударил копьем калмыцкого великана Мадыкана, который величаво выдвинулся навстречу буруту. Он сидел на огромном быке с одним рогом, одетый сплошь в железные доспехи. От удара Манаса Мадыкан даже не качнулся, а только разозлился сильнее. За Манасом скакал Музбурчак, который нанес еще один сильный удар копьем по груди Мадыкана. Опять Мадыкан проявил незыблемость своей силы. Копье Музбурчака превратилось в щепки, а его самого успели связать жайсаны Мадыкана. Следом за Музбурчаком напали на него Кокче и Бокмурун одновременно. Но, опередив обоих богатырей, Мадыкан сбил их со скакунов Кегалы и

Мааникера. Пока жайсаны пытались связать Бокмуруна, Чубак успел на скаку Коктеке поднять его и посадить на Мааникера. За ним хан Бакай успел поднять и посадить на Кегала богатыря Кокче. Сыргак тоже не остался в стороне, как ястреб он напал на своем Кокказыке на жайсанов, которые грузили связанного Музбурчака на мула, чтобы отвести Конурбаю в качестве дара. Всех перебил он знаменитой саблей Жойкума и освободил Музбурчака. Тем временем войска уже перемешались в сражении. Мадыкан рьяно взялся налево и направо рассекать бурутов своей кривой саблей. Вокруг него росла куча трупов, раненых людей и животных. Чубак, Бакай, Алмамбет и Ажыбай окружили Мадыкана, чтобы не дать ему носиться среди аскеров. Помочь попытались Мадыкану калмыцкие богатыри великаны Чоюн алп и Темир алп, которых зарубили Сыргак и Бокмурун, не подпуская их близко к соратнику. С левой стороны ударил Мадыкана Бакай палицей под мышку, где было у того незащищенное место. Мадыкан потерял равновесие и закачался в разные стороны на своем быке с одним рогом. В это время Манас на скаку Аккулы ударил Сырнайзой Мадыкана в горло. Он начал падать на землю. Вездесущий Сыргак отрубил ему голову ударом Жойкумы...

Вся надежда Конурбая была на Мадыкана, что он не позволит бурутам одолеть в этой битве. Не удалось

Мадыкану взять вверх над бурутами, а значит и ему самому, Конурбаю. У калчы будто вырвали из груди всю героическую спесь. Со смертью Мадыкана у него упал боевой дух, размякло тело и появился страх в сердце.

— Трубите отход! — закричал он помощнику Чангели.

Прозвучали сигналы на отступление из боя. Буруты тоже почему-то дали отбой своим войскам. Удивительно. Пожалели врага или устали непомерно. Конурбай поручил Чангели устроить отход войска к городу Чет-Бейджин и сам сел на Алгару. С глубоким огорчением посмотрел на поле боя и помчался в сторону города...

Алмамбет объявил отдых на несколько дней. Войско выполнило большую часть своих обязательств по ведению войны. Оно заслужило передышку. Оно билось с врагами без страха, как единое целое. Среди аскеров укрепился порядок и почитание старшинства. Каждый аскер стремился быть мужественным и полезным для общего дела, дела Манаса. А главное, сейчас враг побежал в свои норы. Все это произошло благодаря умелым действиям главного аскербашы кыргызов Алмамбета. Он сумел раздробить вражеские силы, направив их по ложным путям, сумел доказать кангайцам опасность племени сазаншон для всего человечества. Это все сделал он, грозный сын калмыцкого народа.

Конурбай немедленно прибыл в ханский дворец Эсенкана. В приемных покоях дворца собралась вся знать, аксакалы и главы войск всех городов великого кангайского каганата. Среди них находились богатыри Ылама, Борикез и Ороккыр, советники Эсенкана Айжанжун и Кунжанжун и старцы военного дела ханы Алооке и Соорондук, сын Солобо. Ему сказали, что скоро придут глава тыргоотов богатырь Ушан, богатырь Бороончу и от хана Тейиша дева Сайкал, дочь старца Карача. На пути и Оронгу, слава кангайского народа. Она славная богатырша. Ей не было равной среди женщин всего света.

«Что творит Эсенкан? — подумал Конурбай. — Как можно сражаться с врагом, не выходя из дома?» Он имел в виду сбор всех глав войск кангайского народа.

— Я вас собрал по важному делу, — начал говорить Эсенкан. — Мы оказались между двух огней, между двух зол. На нас напали два врага с двух сторон. Один враг — это буруты. Второй враг — сазаншоны, которые съедают наших людей. Защищаться одновременно от двух врагов нам не под силу. Поэтому мы должны примкнуть к какой-то стороне. Какие будут предложения?

— Надо примкнуть к бурутам, — сказал Айжанжун. — Сазаншоны — это племя людоедов. С ними невозможно найти общего языка.

— Может быть, бурутов приведем к сазаншонам, — выразил свое мнение Ороккыр. — Пусть они их съедят до последнего. Или сазаншонов к бурутам приведем.

— А что, Ороккыр правильно говорит, — согласился Ылама. — Если нам удастся столкнуть бурутов и сазаншонов между собой, мы окажемся в выгодных нам условиях.

— Как их столкнешь друг с другом?! — Борикез разозлился. — Каждого из них за руку не возьмешь. Перестаньте говорить всякую чушь.

— На нас уже напали сазаншоны, — прокричал Кунжанжун. — Они уже съедают наших людей. Пусть займется жайсанбашы защитой наших людей.

— Калча Конурбай почему молчит?! — Айжанжун задал вопрос всему собранию. — Это его задача, защитить людей.

— Вы сорвали мои замыслы по уничтожению бурутов, — зло посмотрел Конурбай на участников собрания. — Вместо того, чтобы помочь мне сломать хребет противнику, вы сочиняете всякие собрания.

Эсенкану не понравились слова Конурбая. Это он, Конурбай, смеет выражать недовольство решениями самого хакана?

— Ты совсем обнаглел, Конурбай! — Эсенкан грубо обратился к нему. — Пошел на переговоры к сазаншонам, в итоге они съедают наших людей. Пошел войной к бурутам,

жайсаны исчезли в горах. Так что готовься повиноваться бурутам.

— Не бывать этому, мой хакан! — Конурбай поклонился Эсенкану. — Лучше убейте меня собственноручно.

Эсенкан задумался. Конурбай всегда был оплотом каганата. Он не желает мириться с бурутами. Но и не может принять меры против сазаншонов. Или не хочет. Гнать нужно его в шею. Он стал бесполезным теперь. Пусть он поедет в Тюп-Бейджин.

— Я тебя освобождаю от всяких обязательств перед каганатом, — сказал Эсенкан Конурбаю. — Свободен!

Конурбай стрелой выскочил из покоев дворца...

— Что известно о сазаншонах? — спросил Эсенкан у Кунжанжуна.

— Они окружили город прибрежный Дардан, мой хакан, — доложил Кунжанжун. — Никого не выпускают из города. Жителей города полностью перебили. Только единицы спаслись.

— Куда делось войско города?

— Оно ушло на войну с бурутами в Кентун, говорят, — ответил Кунжанжун. — Что удивительно, им велел выдвигаться Конурбай через вестника.

— Сколько времени нужно сазаншонам, чтобы добраться до Чет-Бейджина? — спросил Эсенкан, оглядывая лица участников собрания.

— Полгода, мой хакан, — Кунжанжун рассказал свои расчеты. — Нужно с ними срочно начать войну. А то они прибывают и прибывают с острова Мангуба на наших плотах.

— Расскажите, каким образом, — Эсенкан удивился, что за несколько десятилетий они сами вырастили большую опасность для себя.

Кунжанжун рассказал, что на плотах, на которых шесть туменов жайсанов увозили дары сазаншонам, прибыли на берег десять туменов чудовищ. Они окружили город Дардан и умертвили всех жителей. Обрато на остров Мангуба уплыли на плотах шесть туменов чудовищ с трупами. Ими они нагрузили плоты, видимо, чтобы кормить тех, кто остался на острове. Обрато прибыли еще десять туменов. Получается, что с каждой ходкой плотов прибывает на земли кангайцев по четыре тумена чудовищ.

— Сколько времени требуется на одну ходку плотов? — спросил Ылама.

— Около полумесяца.

— В год прибудет почти сто туменов, — задумался Ылама. — Это страшно. Они смогут съесть весь каганат.

— Срочно езжайте к бурутам на переговоры, — сказал Эсенкан. — Они наши спасители. Их к нам привел наш махаяна.

Как только разбежалось войско Конурбая во главе самим жайсанбашы, Алмамбет вздохнул облегченно. О-о, Вечное Синее Небо! Твое покровительство не знает границ! Спасибо тебе!

Алмамбет поклонился Тенгри. Пригласил Акаяра к себе.

— Привал на месяц, — сказал он Акаяру. — Располагаться на западе Чет-Бейджина. Шатер Манаса поставить на высоком холме, чтобы была видна вся окрестность полностью. Как только поставите шатер, соберите в нем всех глав войск и туменбашы.

По замыслам Алмамбета и по договоренностям с Жангиром должна была приехать к Манасу свита посланников от Эсенкана. Дошла и до Алмамбета весточка о том, что сделали сазаншоны с жителями города Дардан.

Когда собрались все знатные люди в шатре Манаса, среди них не оказалось хана Тоштюка и богатыря Чубака. Алмамбет отправил людей в их войска, но тщетно. Нигде их не могли найти. Пришла мысль проверить всю численность объединенного войска кыргызов. Оказалось, что много людей полегло на войне с кангайским войском. Охватила Манаса великая скорбь. В гибели воинов он обвинял только самого себя. Долгое время не мог он найти оправданий перед народом, который относился к походу Манаса неодобрительно. Потому что истинную цель похода понимали лишь немногие люди. Ему казалось, что нет

обратной дороги домой. И то, что еще не выполнены замыслы по уничтожению чудовищ племени сазаншон, вылетело из его головы.

— Алмамбет! Брат мой, — обратился Манас к другу. — Может быть, нам пора остановить войну.

— Ты что, Манас! — возмутился Алмамбет. — Чудовища начали пожирать человечество. Нельзя останавливаться. Нужно избавить мир от сазаншонов.

— Как я посмотрю в глаза матерей и жен наших воинов?!

— Защита отечества, — взбудрил Манаса Алмамбет, — главный долг каждого нашего аскера.

— Во всяком случае, — сказал Манас. — Я буду ответственным за жизнь каждого воина и виновным в гибели каждого из них.

— Но ты не можешь защитить грудью каждого из них.

— Войну начал я, и поэтому внутри что-то сильно грызет меня.

— Войну ты начал ради жизни на земле, — подытожил Алмамбет, похлопав по плечу Манаса. — Поколения будут помнить твои дела.

Манас долго не мог успокоиться от переживаний из-за гибели многих аскеров. Количество погибших было ошеломляющим. Погибли двое из десяти. Кроме того, исчезновение хана Тоштюка и храброго чоро Чубака прибавило много горечи в страдания великодушного...

Не пришлось долго ждать посланников Эсенкана. Появление посланников Айжанжуна и Кунжанжуна в шатре Манаса было ожидаемым событием. Как только зашли в шатер Манаса, они пали на колени перед троном великодушного. Наперебой начали говорить одновременно.

— Говорите по одному! — Ажыбай остановил их.

Они посмотрели друг на друга.

— Пощадите, хан Манас, — сказал Айжанжун. — Народ кангайцев просит у вас пощады.

Ажыбай перевел его слова.

— Я не для того приехал издалека, — сказал Манас, — чтобы наказывать народ кангайцев. Народ здесь ни при чем.

Айжанжун и Кунжанжун переглянулись между собой.

— Мы полагаем, что великий хан Манас возмущен действиями Конурбая, — проговорил Кунжанжун, — который угнал табуны лошадей и людей в рабство в землях Ала-Тоо.

— Полагаете правильно, — ответил Манас. — Но за действия Конурбая народ не в ответе.

— Конурбая мы вам выдадим, — продолжил Айжанжун. — А теперь спасите наш народ, о-о великий хан Манас!

— Что случилось?! — спросил Манас.

Айжанжун вкратце рассказал о племени сазаншон, невероятно страшных чудовищах. Они имеют одну, две, три головы, три или четыре ноги и несколько пар рук. У них тела покрыты густой шерстью. Употребляют в пищу все, что растет и живет на земле. Недавно они выбрались с острова, где проживали, на береговые земли Чет-Бейджина. Там напали на жителей города Дардан и умертвили всех, чтобы съесть их тела.

— Действительно чудовищно, — сказал Манас. — В этом виноваты и кое-кто из тех, кто окружает Эсенкана.

— Да, — согласился Айжанжун. — Они работали на острове Мангуба. Судьба их нам неизвестна.

— Они были известными маалимами, — вставил Манас.

— Их тоже, наверное, съели сазаншоны, — подключился к разговору Кунжанжун.

— Вы предполагаете? — спросил Манас.

— Да, — ответил Кунжанжун. — В последние десятилетия от них не было никаких вестей.

«Да, от Тайлака тоже не стало никаких вестей, — подумал Манас. — Выходит, они говорят правду. Что мог сделать Толек, он тоже говорил, что не смог выяснить ничего о сазаншонах. Только люди Кобиша смогли разузнать о них». Манас ушел головой в раздумья. Если бы не они, если бы не поминки Кокетей хана, сазаншоны не привлекли бы к себе внимания. Они бы размножились...

— Мой таксыр! — Голос Ажыбая вернул Манаса в его шатер. — Что сказать посланникам?

— Да, мы поможем вам, — Манас задумался. — Подготовьте Эсенкана к разговору со мной. Мы должны договориться.

— Мы вам очень благодарны, — лепетал Кунжанжун. — Мы верили вам.

— Почему?

— Мы знали вас еще в те далекие времена, — Айжанжун поддержал Кунжанжуна. — Ваше слово — настоящая истина.

Манас не обратил внимания на их лестные слова.

— Надо ускорить встречу, — сказал он просто.

Айжанжун и Кунжанжун вместе вышли из шатра задом наперед с поклонами...

Вечером Манас вышел из шатра, время было позднее, на небе множество звезд подмигивали ему, по крайней мере, ему так показалось. Он поднялся на возвышенность, огляделся по сторонам, где свирепствовала темнота, укрывая весь мир от его взора, лишь слабое свечение звезд намекало на черту между небом и землей под нижними их рядами, что было чудным явлением для Манаса. Ему не хотелось покидать это чудо, оно было самым родным вдали от земли предков. Манас велел Акаяру принести олпок и на этом же месте постелить ему под открытым небом, что было

исполнено немедленно. Великодушный богатырь прилег на олпок, поглядывая на звезды. И не заметил, как его убаюкали тайные силы природы...

Утром, оглядываясь по сторонам, он заметил, что в сторону ханского шатра движется большая толпа из пары сотен человек. Только через некоторое время ему удалось узнать Чубака на Коктеке, который красовался на переднем крае толпы. Рядом с ним на поводу у Чубака ехал калмыцкий богатырь Нескара, привязанный к седлу скакуна. Вокруг Чубака ехали еще несколько всадников. Манас обрадовался. Он, кроме Чубака, никого не узнал и не желал узнавать.

— Будь здоров, богатырь мой!

Его громогласное приветствие всполошило всех. Со своих шатров выскочило множество аскеров и богатырей. Некоторые, кто половчее, поскакали навстречу толпе. Все знали о неподдельном горе своего любимого кагана, и все хотели принять участие в его радости. Сняли силой Чубака с Коктеке и понесли его на руках к Манасу. Манас тоже быстрыми шагами пошел к ним навстречу. Богатыри поставили Чубака на ноги перед Манасом. Объятия великодушного раскрылись сами собою, и было приятно смотреть, как падает Чубак в эти объятия. По его словам стало понятно, что Чубак стал преследовать Нескару, пока не взял его в плен вместе с сорока нукерами.

— Это мой дар тебе, мой каган!

Чубак тоже был радостен — ведь Манас повеселел не оттого, что Нескара попал в плен. А оттого, что увидел Чубака живым и невредимым.

— Спасибо! Пусть тебя Тенгир бережет, — Манас похлопал по плечу богатыря.

Аскеры развязали Нескару и привели к Манасу.

— Сколько моих людей ты отправил на небеса?! Сколько раз пытался меня уничтожить?! Вот я перед тобой! Сразись со мной!

— Нет, Манас! Не смогу я с тобой сразиться! Если сможешь, прости и возьми меня на службу.

Нескара поклонился и встал на одно колено перед Манасом.

— Прости его, великодушный! — Бакай подошел к Манасу. — Он может пригодиться в нашем деле.

— Я постараюсь, чтобы Эсенкан сдал тебе город Чет-Бейджин со своим дворцом, — лепетал Нескара. — И дочерей красавиц Бурулча и Бирмыскал в качестве дара.

Бурулча была дочерью самого Эсенкана. Сыргак переглянулся с Алмамбетом. А Бирмыскал была любимицей Айжанжуна.

Да, он может пригодиться в деле. Нескара — сын самого могущественного хакана кангайцев Карыхана, который может поднять всех на войну с сазаншонами. Но вряд ли

возникнет необходимость всех поднимать. Его самого, Нескару, можно использовать на этой войне, он знаток военного дела. Так подумал Манас.

Алмамбет тоже поддержал Бакая.

— Манас! — сказал он. — Нескара имеет большой вес среди знатных людей Кангая. С его обещаниями нужно отправить Ажыбая на переговоры с Эсенканом.

— Хорошо, Алмамбет, — согласился Манас. — Судьбу Нескары поручаю тебе. Сам решай, что с ним делать.

В это время со стороны лагеря аскеров возник ликующий шум. Неслись радостные возгласы.

— Тоштюк! Тоштюк прибыл! — кричали радостные аскеры кыпчаков.

Через некоторое время показался сам богатырь.

— Будь здоров, мой каган! — Тоштюк поклонился Манасу.

— Будь здоров, богатырь Тоштюк!

Манас подошел к богатырю и обнял его. Оказалось, что он в конце сражения со своим войском окружил более тысячи силачей и жайсанов калмыцкого войска, загнали их в тупик ущелья Суук-Тор. Пришлось ему всю ночь сражаться врагом до полного их уничтожения. Пригнал он в качестве дара Манасу тысячу отборных скакунов. Манас поблагодарил Тоштюка.

— Пусть Тенгир тебя бережет! — сказал он.

Всей толпой богатыри вошли в ханский шатер Манаса. Обсудили отправку посланников к самому Эсенкану с обещаниями Нескары. Алмамбет предложил отправить Эсенкану Ажыбая и хана Урби, которые умеют говорить и показать твердость характера. С ними решили отправить одного из нукеров Нескары по имени Шуйкучу, который должен был подтвердить слова своего хозяина.

Кунжанжун и Айжанжун доложили Эсенкану об итогах своих поездок до кагана кыргызов Манаса. Сказали, что Манас пообещал выступить против сазаншонов вместе с кангайцами с одной целью — избавить человечество от чудовищ племени сазаншон. Но прежде Эсенкан и Манас должны договориться в шатре Манаса, чтобы установить обязательства для сторон, кто, что и сколько будет обязан сделать. Было ясно, что буруты хотят послушать сторону Эсенкана, какие же тот возьмет на себя обязательства, чтобы буруты пошли на войну с чудовищами. И было ясно, что буруты не хотят на себя брать никаких обязательств. Разумно, посчитали Кунжанжун и Айжанжун. Эсенкану пришлось просто согласиться.

— Люди! — закричали жайсаны охраны.

В приемные покои Эсенкана вбежал его помощник.

— Показались люди, мой повелитель! — Он поклонился до земли.

— Кто они такие? — спросил Эсенкан.

— С белым платком, — ответил помощник. — Видимо, посланники бурутов.

Кунжанжун и Айжанжун переглянулись между собой. Буруты не говорили, что пришлют посланников. Они должны были ждать вестников от Эсенкана, чтобы узнать, когда же устроить прием для него в ханском шатре.

— Приведите их ко мне, — велел Эсенкан...

Эсенкан направил людей к самому Карыкану с просьбой дать совет: какое принять решение по требованиям бурутов. Он отправил Ажыбая и Урби обратно в ставку Манаса без ответа. Попросил дать время для обдумывания условий Манаса...

Алмамбет пришел к Манасу, в его походный шатер. Его озабоченность пугала многих. Люди боялись подойти к нему с разговорами.

— У меня новость, — сказал он Манасу. — Через неделю будет у нас сам Эсенкан. Будет вести переговоры с тобой.

— Скажи Бакай аве, — поднял голову Манас. — Пусть устроит прием в отдельной юрте.

— Хорошо, Манас, — у Алмамбета был задумчивый вид. — Давай обсудим. Для чего мы здесь находимся, вдали от отечества?

— Ты же знаешь, — спокойно ответил Манас, — по какой причине мы приехали сюда.

— Я удивлен тем, что мы не предпринимаем никаких мер, — сказал Алмамбет.

— Нет, Алмамбет, — возразил Манас. — Люди работают. Они начали работать еще тогда, когда мы находились в Таласе.

— Интересно! — Алмамбет удивился и спросил: — Какие люди работают?

— Кобиш со своими людьми. Они уже год пасут остров Мангуба.

Удивленный Алмамбет некоторое время молчал. Ему было известно, что Кобиш со своими людьми упражняется в уничтожении чудовищ. Но он не видел, что они делают и каким образом уничтожают чудовищ. Он знал, что у Кобиша особое поручение от Манаса, и поэтому не хотел проявлять интерес к этому делу.

— Ты не интересовался, — сказал Манас, будто читал его мысли. — Поэтому я не стал посвящать тебя в работу Кобиша.

Алмамбету самому стало обидно за свое безразличие к делу Кобиша. Только теперь, когда сам задумался над тем, что необходимо принять какие-то меры против сазаншонов, у него пламенем загорелся интерес к рассказу Манаса. И Манас тоже чувствовал внутреннее состояние Алмамбета.

— Слушай Алмамбет, — сказал Манас. — Я отправил людей к Кобишу. Скоро он должен приехать со своими замыслами по уничтожению чудовищ племени сазаншон. Вот тогда ты все узнаешь.

— Хорошо, Манас, — согласился Алмамбет.

— Ты тоже приготовь несколько предложений, — сказал Манас вслед уходящему богатырю Алмамбету, который кивнул головой в знак согласия...

Неделя прошла очень быстро. Акаяр прибежал к Манасу в шатер и сообщил, что приехали люди во главе с великим правителем кангайцев хаканом Эсенканом. Он сказал, что прием их осуществляют каган Бакай и аскербаша Алмамбет. Уже проводили гостей в отдельно подготовленную юрту для переговоров. Манас задумался, вспоминая проделки кангайцев против Манаса. Они боролись с Манасом даже тогда, когда он был еще в утробе матери. Он усмехнулся. Как он встретится со своим исконным врагом, как он посмотрит ему в глаза и скажет: «Меня зовут Манас!» Понимает он или нет, что его ханские дни сочтены?

Когда Манас вошел в юрту, все люди с кыргызской стороны соскочили со своих мест. Айжанжун и Кунжанжун тоже поднялись, поддерживая Эсенкана с двух сторон.

— Эсенкан приветствует славного богатыря! — Айжанжун поклонился богатырю. Эсенкан и Кунжанжун повторили его действия.

— Будьте здоровы! — приветствовал их Манас.

— Слава Манасу!!! — хором прославила Манаса кыргызская сторона.

— Садитесь! — Манас попросил всех располагаться на своих местах, подготовленных для каждого участника встречи.

Манас огляделся по сторонам. У него промелькнула какая-то мысль.

— Приведите Нескару! — Манас приказал Акаяру. — Как четвертого гостя от калмыцкой стороны.

Эсенкан переглянулся со своими сподвижниками. Судя по тому, как они закивали головами, понятно было, что им тоже понравилось решение Манаса. Стало ясно, что кангайская сторона намерена выполнить обещание Нескары. Через некоторое время в юрту зашел Нескара. Он первым делом поклонился Манасу.

— Благодарю, великодушный, — сказал Нескара, — что принимаешь меня наравне с Эсенканом. Рад буду служить под твоим началом.

Манас кивнул головой в знак согласия. Нескара сел рядом с Эсенканом, который незаметно сумел шепнуть ему на ухо: «Твой отец Карыкан знает, что ты в плену, и одобрил он наши действия». Начались переговоры...

В намеченный на переговорах день Манас со своими людьми приехал к воротам Чет-Бейджина, где с почестями встречал его хакан Эсенкан со своими советниками Айжанжуном и Кунжанжуном. В этот день Манаса должны были посадить на ханский трон всего кангайского каганата. В сопровождении у Манаса находились десять туменов аскеров во главе с Бакаем, Алмамбетом, Чубаком и Сыргаком, с сорока чоро и с ханами. Основные силы войска остались в тех же краях, на западе Чет-Бейджина. Со стороны Эсенкана вышли навстречу с Манасом все знатные люди города и военные калдаи. Начиная от ворот и до ханского дворца выстроился кангайский народ, оставляя посередине проезд для Манаса на Аккуле и для сопровождающих его туменов. Когда доехали до большого сада перед входными дверями дворца, по знаку Алмамбета спешились все с коней. Сорок чоро, Бакай, Алмамбет, Чубак и Сыргак взяли со всех сторон деревянный маленький плот, на котором была постелена большая белая кошма. Эсенкан взял за руку Манаса и провел его на плот, это было знаком, что Манас возносится в ханы народами кангайцев. Манас сел посередине кошмы. Плот подняли на уровень плеч и понесли в сторону дворца.

— Ма-на-ас! Ма-на-ас! — прославили его все аскеры туменов, сопровождающие его до Чет-Бейджина.

— Слава Манасу! Слава Манасу!!!

— Живи долго, Ман-а-а-с!!!

Торжественный гул долго звучал, не умолкая ни на миг...

Манас собрал всех ханов, сорок чоро и знатных людей, которые сопровождали ханов и чоро. На почетных местах сидели Бакай, Алмамбет, Чубак и Сыргак.

— Все наши дела увенчались успехом, — сказал Манас. — Теперь во главе с Бакай ава все ханы могут возвращаться в родные земли Ала-Тоо. Остаются со мной сорок чоро со своими туменами. Перед нами еще одна война. Война с чудовищами племени сазаншон. Много сил для войны не требуется. По договоренности нам будут помогать кангайцы во главе с Нескарой. Среди девушек находятся дочь Эсенкана Бурулча и дочь Айжанжуна Бирмыскал. Пусть женятся на них Алмамбет и Чубак. Бакай ава, будь главой каганата, пока мы не приедем после войны. Счастливого пути, мои дорогие!

Манас прощался со всеми ханами и благодарил всех за участие в общем деле. Все ханы выражали восхищение мудростью Манаса и Алмамбета, которые довели свой народ до победы. Все надеялись на скорейшую встречу на родной земле, чтобы отпраздновать покой и мир, которые наступят во всем мире после уничтожения чудовищ сазаншонов.

Большая война

Каган Бакай во главе большого войска приехал в Талас. Каждому ханству выделена соответствующая добыча из табуна, угнанного Алмамбетом и Сыргаком. Кроме того, выданные Эсенканом несметные богатства — золото, серебро и драгоценные камни — в качестве дара для Манаса за спасение кангайского народа от чудовищ племени сазаншон были распределены между ханами. Такова была воля великодушного богатыря. Радостная весть о том, что Манас вознесен каганом кангайцев, не могла обрадовать Каныкей. Она, находившаяся на последнем месяце беременности, зарыдала от горя.

— Мудрый ава, — сказала она. — Как только наступит весна, вы должны немедленно выехать обратно в Чет-Бейджин.

Впервые Каныкей обращалась к Бакаю с таким жестким заявлением, что Бакай даже испугался. То, что являлось гордостью народа, что Манас стал каганом кангайцев, принято Каныкей как горе для Манаса и для семьи.

— Вы сами привезите их, — посмела повелевать Каныкей. — Сдайте кангайский трон самим кангайцам. Он нам, кыргызам, не нужен.

Несмотря на свое великое соображение, Бакай не мог понять возмущения Каныкей. Он отнес его к тому, что она скучает по мужу. В пути он задумывал отпраздновать вознесение Манаса в ханы, но отказался от своих мыслей. Подумал, что будет неправильным устраивать праздник в случае, когда семья принимает событие без радости. Решил отметить рождение ребенка, которое ожидалось в семье.

После того, как основные силы уехали в Талас, богатырь Кобиш приехал к Манасу.

— Мой каган, — обратился он к Манасу. — Вы помните, как замыслили Акбалта и Кутубий встретить Жолоя, пришедшего на Алтай, чтобы вас взять в плен?

— Да, — ответил Манас. — Помню.

— Мне нужно сделать такое же сооружение, как сделал Акбалта ава, — сказал Кобиш. — Легче будет понять и принимать решения.

Манас согласился и приказал Акаяру обеспечить Кобиша всеми необходимыми вещами и материалами.

Через два дня у Кобиша все было готово. Собрались вокруг Манаса Алмамбет, Чубак, Сыргак и Ажыбай. Осмотрели очень внимательно творение рук Кобиша. Его сооружение напоминало собаку, которая будто лежала с поднятой головой и осматривала земли перед собой. Но

сооружение было в несколько раз больше, чем настоящая собака.

— Это остров Мангуба, — сказал Кобиш. — в уменьшенном виде. Это высокая гора на острове.

Кобиш показал на голову «собаки», у которой не было «шеи». Богатыри заулыбались. Вместо «шеи» был толстый круглый участок горы, по склону со всех сторон можно было подняться на вершину. Кобиш показал песчинку всем окружавшим его богатырям.

— Вот как выглядит человек, — сказал Кобиш, — в сравнении с размерами острова.

— У острова какие размеры? — спросил Алмамбет.

— В длину около двухсот чакырымов, — объяснил Кобиш. — В ширину более ста.

Кобиш начертил на земле с одной стороны сооружения кривые линии.

— Эти линии границы большой земли, — сказал Кобиш. — Вот на этом участке находимся мы.

Кобиш поставил большой камень на некотором расстоянии от сооружения.

— Вот город Данкан, — показал Кобиш, устанавливая еще один камень рядом с линией.

Богатыри заметили, что рядом с городом Данкан берег стремительно приближается к острову и, проходя чуть дальше, разворотом уходит в другую сторону.

— Какое расстояние вот с этого края берега, — спросил Чубак у Кобиша, — до острова?

Чубак показывал на самое близкое место от линии до сооружению.

— Всего один чакырым, — ответил Кобиш. — Но берег там заканчивается отвесной скалой, она начинается совсем рядом с городом Данкан. И высота скалы превышает вершину горы на острове Мангуба на полчакырыма.

— Будто Тенгир отрубил мечом остров от земли, — вставил Ажыбай.

— Вот почему чудовища приплыли на берег к городу Данкан, — воскликнул Сыргак. — Для них это было самым удобным местом.

— Да, Сыргак, ты прав, — сказал Манас. — Они не могут вскарабкаться по скале.

Манас обратился к Кобишу с вопросами.

— Как они живут? Какое у них жилище?

— Они живут в пещерах в горе, — ответил Кобиш. Он показывал на голову «собаки». — Пещеры многослойные. Одна пещера находится над другой.

— Сколько всего чудовищ? — спросил Манас.

— Невозможно подсчитать, — с грустью ответил Кобиш. — Примерно насчитывают около сотни туменов.

— Около тридцати туменов воинов могут собрать чудовища, — подсчитал мысленно Алмамбет. — Но они

могут выполнить работу за девяносто туменов.

— Наши сорок туменов аскеров, и Нескара поставить пятьдесят туменов жайсанов, — вслух размышлял Манас.

— Мои воины в количестве семи туменов, — не сдержался Кобиш. — Каждый мой воин достоин трех чудовищ.

— Так вот, думайте, богатыри! — сказал в конце Манас. — Обстановка для всех ясна. Она страшная. Чудовища уничтожили целый город. Не просто уничтожили, а съели людей. Мы с вами приехали именно для того, чтобы уничтожить чудовищ. Избавить человечество от страшного конца — стать едой чудовищам.

Манас и Алмамбет велели остальным подумать, каким образом выполнить задачу, стоящую перед войсками кыргызов и кангайцев. После долгого, в нескольких дней, обсуждения намеченных действий войск Алмамбета и Нескары, богатыри приняли необходимые решения. Войско Нескары численностью в тридцать туменов наступает на город Данкан с юго-западной стороны, а войско Алмамбета численностью тоже в тридцать туменов с севера. Остальные части войск с обеих сторон передаются под управление богатыря Кобиша, который должен переправить их через высокую отвесную скалу к острову.

Алмамбет повел войско к городу Данкан по северным землям. Это были предгорья с множеством холмов и впадин, которые приходилось объезжать криволинейными путями. Алмамбету пришлось ехать до города целых два месяца. Вместе с войском выступил и Кобиш со своими двумя туменами, чтобы сопроводить войско Алмамбета до города Данкан. Дальше он замыслил ехать по краю скалы, вместе с Манасом, который хотел принять участие в набеге на остров Мангуба. Алмамбет остановил войско, когда до города оставалось около пяти чакырымов — здесь они встретили несколько сотен чудовищ племени сазаншон. Встреча произошла внезапно и неожиданно. Сам Алмамбет увидел чудовищ впервые своими глазами. Макел-Малгун по сравнению с ними был более похож на человека. А эти — о-о, Вечное Синее Небо! — состояли из одних голов, ног и рук, которые были сплошь покрыты шерстяными волосами. Тела их невозможно было увидеть. Торчали среди волос копья, сабли и луки с колчанами, Алмамбет сообразил, что они вооружились отнятым у жайсанов оружием. Чудовища тоже остановились на некоторое время. Непонятные громкие голоса пугали аскеров, у некоторых от страха подкосились ноги, онемели руки, и многие потеряли дар речи.

— Желмогузы! — кто-то прокричал испуганным голосом.

— Бежим! Бе-жи-им!!! — закричали некоторые.

— Стоять!!! — прогремел Манас и высунулся вперед на Аккуле.

Все скакуны под аскерами тоже напугались, фыркали и рвались в разные стороны, вырывая поводья из рук своих хозяев. Только Аккула был невозмутим, в его движениях невозможно было уловить признаки испуга. Чудовища, издавая странные звуки — видимо, у них тоже имелись какие-то ураны, — понеслись в сторону аскеров.

— На пики!!! — прокричал Алмамбет.

Рядом с Манасом выстроились аскеры на скакунах, которые выдвинули свои копья в сторону бегущих к ним чудовищ. Многие скакуны, которые испугались чудовищ, так и не смогли преодолеть страх. Им легче было отказаться исполнять волю своих хозяев. Некоторым трусам это было на руку...

Первая волна набега чудовищ пришлась по Манасу и Алмамбету. Им, как и каждому воину, находившемуся рядом с богатырями, пришлось отражать одновременно два-три удара одного чудовища. Каждое чудовище одновременно замахивалось копьем, рубило мечом или саблей и било палицей. Но только один из ударов был мощнейшим, остальным действия чудовищ мешали друг другу. Воины быстро приспособились сражаться с чудовищами. Они сообразили, что у чудовищ одно тело на все головы, руки и ноги. Они старались поражать в первую очередь тела

чудовищ ударом копья в сердце или печень и рубили саблями только по телу. Чудовища оказались искусными воинами. Удивительно, но, несмотря на малое количество, они набросились на целое войско, где насчитывалось несколько туменов. Они тоже кололи, рубили и сражались самоотверженно. Полегло много аскеров от рук чудовищ. Манас на Аккуле работал мечом в одной руке и копьем в другой. Нападения чудовищ он отражал на удивление легко и безупречно. Ему казалось, что чудовища сами лезут своими телами на его копье и меч, чтобы он зарубил их...

Через некоторое время осталось два-три десятка чудовищ, которые издавали странные звуки, видимо, знаки отхода. Они стремительно поскакали в сторону города и на скаку пускали стрелы в аскеров. При этом всем показалось, что они бегут задом, так же искусно, оглядывая и обстреливая из луков своих врагов, как бежали при нападении. Гнаться за ними было бессмысленно. У них одни головы были обращены вперед, другие смотрели в сторону бурутов, прицеливаясь и пуская стрелы по аскерам.

— Что это было? — прогремел Алмамбет.

— Это и есть те воины сазаншонов, — ответил богатырь Кобиш, — с кем нам придется воевать.

— Страшные существа, — сказал Чубак. — Нагнали страх на аскеров.

— Никто раньше с такими существами не сталкивался, — Манас посмотрел в сторону войска. — Кое-кто от страха разум потерял.

— Дальше легче будет справляться страхом, — утвердил Алмамбет общую мысль. — Кое-кто сражался с ними очень самоотверженно.

— Да, — согласился Сыргак и спросил: — А почему за ними не погнались?

— Нам стало интересно, — сказал Чубак, — как они убегают. Убегали-то таким образом, будто нападали.

— Они доберутся до города, — продолжил Кобиш. — Расскажут всем остальным и будут готовиться к войне с нами. Гнаться нет смысла.

— Мы с Чубаком и Кобишем поедem дальше, — сказал Манас. — По краю скалы на восток. Пробраться на остров Мангуба. Ваша задача, Алмамбет, окружить город Данкан и уничтожить чудовищ.

— Хорошо, мой брат! — обещал Алмамбет и спросил с беспокойством: — Каким образом хотите добраться до острова?

— Со скалы будем сбрасывать круглый лес, — объяснил Кобиш. — Чтобы он служил мостом по озеру Жантак.

— Как будете спускаться по скале?

— По канатам, — ответил Кобиш. — Они у нас приготовлены.

— Удачи вам, — Алмамбет благословил замыслы Кобиша...

Войско Кобиша отделилось от войска Алмамбета и продолжило движение дальше на восток.

Ранней весной Каныкей родила сына. Мечта Каныкей наконец исполнилась, мечта, которая в течение многих лет терзала ее душу. Радости не было конца. Особенно не было конца радости Чыйырды, она всегда мечтала подержать в руках внука, будущего народного богатыря. Все аксакалы Таласа во главе с баем Жакыпом и Бакаем благословили мальчика через сорок дней после его рождения, проведя большой той. Пригласили аксакалов со всех земель каганата, но смогли приехать только из близлежащих мест. Бакай дал имя новорожденному — Семетей. Имя означало «великодушие». Оно будто отражало желание народа, чтобы он стал продолжателем дел своего отца, великодушного Манаса. Рождение Семетея было всеобщим народным желанием. Все знали, что Манас просил Тенгира, чтобы тот подарил ему сына. И весь народ радовался за своего любимого великодушного богатыря...

Ранним утром одного из таких радостных дней Каныкей проснулась от испуга. Бешено колотилось сердце в груди. Семетей сладостно сопел в колыбели.

— Мудрого ава пригласите, — Каныкей велела актаяку сообщить Бакаю.

Тем временем она приготовилась принять Бакая за дасторханом, уложив на нем всякие сладости и коокер свежего кумыса.

Она подняла Чыйырды из постели и предупредила ее, что скоро к ним должен заглянуть Мудрый ава. Она, Чыйырды эне, почувствовала в голосе Каныкей беспокойство и заботу. И Бакай не заставил долго ждать себя. Он тоже переживал и зашел в юрту Каныкей с недобрый предчувствием.

— Мудрый ава, — сказала Каныкей за чаепитием. — Приснился мне плохой сон.

— У меня тоже, — сказал Бакай, — недоброе предчувствие. Расскажи свой сон.

— Вся Таласская земля оказалась в огне, Бакай ава, — заплакала Каныкей. — Осушились озера, попадали тополя и горы, горы, где паслись наши лошади.

Да, действительно плохой сон. И приснился он не кому-нибудь, а очень святому человеку, Каныкей. Бакай всегда считал Каныкей святой после того, как она спасла Манаса от позора на берегу озера Лопнор.

— Я немедленно выезжаю, — сказал Бакай. — По нашему с тобой уговору.

— Возьмите с собой скакуна Тайбуурула, Бакай ава, — попросила Каныкей. — Ему идет пятый год. Он уже в силе и

пригодится великодушному кагану. Войско численностью десять туменов готово к пути. Не оставляйте Манаса в Чет-Бейджине. Приведите его. И письмо ему передайте. Сообщите ему о сыне.

Каныкей торопилась и волновалась. Ее слова изрекались прерывистыми слогами и с частыми остановками.

— Святой ты человек, Каныкей! — Бакай поднял обе руки к небу. — Пусть твой сон сбудется благодатными делами для нас. Апа Чыйырды! Благослови мой длинный путь!

Все они поклонились Вечному Синему Небу и просили Тенгри покровительствовать всем делам Манаса. Бакай выехал из Таласа в сторону Чет-Бейджина.

Когда Манас поднялся на вершину скалы, солнце стояло в самом высоком месте Синего Неба. Вершина скалы оказалась огромной ровной площадкой. Можно было разместить на ней большой аул. Но подняться на вершину можно было только пешком. Скакуны остались внизу. Манас подошел в сторону обрыва. Впереди и внизу Манаса стояла большая голубая вода озера Жантак. Таинственный остров Мангуба, где зародилось чудовищное племя, величавыми очертаниями расстилался посередине озера. Он всем своим обликом внушал страх человечеству. Всему свету грозила опасность от чудовищного племени сазаншон. За островом большая

голубая вода сливалась с голубым небом. Не было видно черты между небом и землей. Будто небо начиналось от воды на земле. Земля под ногами Манаса казалась ему казалась землей поднебесной.

— Земли поднебесные, — прошептали его губы.

— Что-что вы сказали? — Чубак подался к нему.

— Ничего, — сказал Манас. — Я про себя.

Чубак отстал. Манас подумал о том, что его привело на край земли. Конечно, страх, подумал он. Страх за судьбу народа. Страх за судьбу человечества. Страх за жизнь ребенка, который еще не родился. За жизнь ребенка под сердцем Каныкей. За их будущее на этой земле. Пусть они живут без страха. Он вспомнил, что ему пришлось всегда жить в страхе с тех пор, как сообщили о племени сазаншон люди его разведки. В страхе за судьбу человечества. Только теперь ему удастся осуществить замыслы по спасению человечества. И за это он благодарен Тенгиру. Сколько было опасностей в жизни, Тенгир всегда его оберегал. Манаса охватило чувство, что Тенгир оберегал его для того, чтобы он справился с опасностью, исходящей от племени сазаншонов. Он смотрел на аскеров, которые сбрасывали с высоты полчақырыма круглый лес в озеро. Кругляки длиной по десять шагов, как постановил Кобиш, падая в воду озера, исчезали в ней на некоторое время и всплывали на поверхность. Манас знал дальнейший ход действий

Кобиша и его войска. Когда Кобиш посчитает, что в озеро заброшено достаточно леса, аскеры спустятся на поверхность озера и устроят плавучий мост до острова, по которому пройдет все войско Кобиша. Сломив сопротивление чудовищ, вооруженных только палками и дубинами — слава Тенгри, что они еще не умеют делать оружие, — аскеры пробьются в пещеры, где живут племена сазаншон. Там они закопают мешки с «черными порохами» в нескольких определенных местах, соединяя их между собой передатчиками огня. Когда вся работа будет выполнена, Кобиш и его люди взорвут «голову» острова — жилище сазаншонов. Будет уничтожен главный оплот чудовищ. Никогда Кобиш не срывал своих задач, он их выполнял добросовестно и как нужно. Манас почувствовал, что он здесь больше не нужен. Надо ехать обратно. Может быть, его помощь потребуется Алмамбету.

— Чубак! — Манас обратился своему чоро. — Нам здесь делать нечего. Поедем обратно в Данкан.

— Манас ава, вы уверены, что мы здесь не нужны? — спросил Чубак с улыбкой, оглядываясь по сторонам. — Мне кажется, нас ждет большая работа.

— Где ты видишь работу для нас? — Манас тоже начал оглядываться и увидел толпу аскеров, которая никак не справлялась вытолкнуть обоз с грузом на вершину горы.

— Пошли! — Манас направился в ту сторону, Чубак последовал за ним.

На обозе находились «черные порохи» в мешках. Кони не могли тянуть обозы по крутому склону. Опираясь им было не на что. Поэтому аскеры старались вытолкнуть обоз на вершину, но им было очень трудно. Манас подошел к аскерам и выпросил поводья тележки. Накинул на свои плечи и потянул вперед. Перед глазами Манаса встали те далекие времена, когда ему приходилось тащить соху, чтобы возделывать землю. Пришлось Чубаку и Манасу вытащить более сотни тележек на вершину скалы.

— Большое вам спасибо, — благодарил их Кобиш. — Вы нам сильно помогли.

— Как скоро будете доставлять их на остров? — поинтересовался у него Манас.

— Буду ждать знаки с острова, — ответил Кобиш. — Когда не будет никаких препятствий нашему движению.

— Удачи тебе, Кобиш, — сказал Манас. — Мы с Чубаком возвращаемся в Данкан.

Манас и Чубак спустились с вершины скалы по крутым склонам к своим скакунам и поехали в обратную сторону...

В походном шатре Манаса сидели все главы войск и советники кагана. Алмамбет был ответственным от кыргызской стороны, а Нескара от калмыцкой. Были

приглашены на совет Кыргызл чал и Ажыбай. Сыргак и Чубак должны были принимать участие в совете в обязательном порядке.

— Почти два месяца воюем с чудовищами, — горько сожалел Алмамбет. — Но никаких заметных успехов у нас не было.

— Какие действия предпринимали? — спросил Манас, глядя на Нескару.

— На городские стены пытались карабкаться по деревянным лестницам, — объяснил Нескара. — Но все попытки без толку.

— Не могли взять стены?

— Они наши лестницы вместе с людьми поднимают к себе.

— Стрела до них не достает?

— Когда двое поднимают лестницу, их прикрывают щитами. Люди боятся прыгать с лестницы и попадают в руки чудовищ, становятся пищей для них.

— Другие действия не помогают?

— Пытались пробить стены, — включился в разговор Алмамбет. — Но не получилось.

— Что еще?

— Пытались разрушить ворота, — сказал Алмамбет. — Они железные.

— Должно же быть такое вещество, — Манас задумался, — что страшит чудовищ.

— Они должны бояться огня, — сказал Алмамбет. — Они покрыты шерстью и волосами.

— Правильно! — Манас поддержал его. — Еще что? Вспоминайте.

Манас требовал у всех напрягать память и вспоминать слабые места сазаншонов.

Тут задумались все. Каждый вспоминал свои стычки с чудовищами и искал, не проявляли ли они страха перед чем-то.

— Вода! — закричал Сыргак. — Чудовища боятся воды!

И он начал рассказывать о своей стычке с чудовищами на берегу озера Жантак на южной стороне города. Из его слов слушателям стало очевидно, что чудовища действительно боятся воды. Сыргак ездил разведать, как чудовища отплывают на плотках к острову Мангуба. Его увидела толпа чудовищ и погналась за ним. Сыргаку пришлось переправиться на Кокказыке через речку, чтобы не попасть в руки дикарей. Чудовища остановились на берегу речки и махали кулаками ему вслед, не осмеливаясь войти в воду.

— А что тогда сидим? — прогремел Манас. — Поверните реку в город.

Все аскеры и жайсаны войск начали копать большой арык в сторону города. Через неделю пошла вода в город. Глиняные толстые стены города начали размываться водой и терять устойчивость. Через некоторое время стены стали

разрушаться и падать со всех сторон. Теперь сазаншоны оказались доступны для аскеров и жайсанов со всех сторон города.

— Вперед!!! — прогремел Манас и ударил пятками по бокам Аккулы.

Как селевой поток, двинулась со всех сторон конная лавина в город. Все живые существа, оказавшиеся на пути этой лавины, были раздавлены без промедления. Чудовища визжали, кричали и задыхались в предсмертных судорогах. И наконец, видимо, дошло до них, что нужно бежать в какую-то сторону. Они побежали. Бежали гурьбой, по два-три вместе и каждый по отдельности. Бежали куда глаза глядят. Они были сотворены человечеством. Их породили мысли и желания людей. Теперь же они стали жертвами страха самих людей. Но стоило их опасаться.

Когда враг бежит, его судьба оказывается в твоих руках, если ты бежишь быстрее его. Из числа тех чудовищ, которые истребили городское население, в живых никого не осталось...

Манас возвратился в ханский дворец в Чет-Бейджин, где должен был ждать вестей от Кобиша и вестей из Таласа. Оставалась еще встреча с дядей Кызылбеком, братом отца Жакыпа, который работал в оружейном дворе Эсенкана...

Приехал от Кобиша вестник, который сообщил об удачном нападении войска Кобиша на пещеры чудовищ. Все замыслы,

что были предложены Кобишем, выполнены в полном объеме. «Иначе не могло быть», — промелькнуло в сознании Манаса. Он на мгновение представил действия воинов Кобиша. Стройные, подвижные и ловкие джигиты, вооруженные незаметным для глаз оружием, всегда наводили ужас среди врагов. Во время сражений с врагами из рук воинов Кобиша вылетали смертельные стрелы небольшой длины, без лука и тетивы. Одновременно со стрелами, они пускались в драку и наносили смертельные удары ногами, то одной, то двумя сразу, оставляя глубокие ножевые раны на теле противника.

Вестник от Кобиша сообщал, что в ближайшее время должны взорвать остров целиком и полностью, чтобы окончательно уничтожить очаг опасности, который ежегодно тысячами извергал чудовищ на белый свет.

— Слава Тенгри!

Манас выразил довольство самому себе и оглядел внутреннее убранство чужого ханского дворца. Окружало его со всех сторон чужое имущество. Что-то кольнуло его сердце. Он почувствовал, как тоска безжалостно сжимает сердце. Тоска по родным землям Ала-Тоо...

Он ударил по доолбасу. Прибежал помощник Шуйкучу. Он поклонился Манасу.

— Слушаю, вас! О, великий каган!

Манас ему объяснил, что завтра утром собирается посетить оружейный двор Эсенкана.

— Кого вы с собой возьмете, великий каган? — спросил Шуйкучу. Он должен был предупредить всех, если великодушный пожелает с кем-нибудь побеседовать.

— Я поеду один. Возьму только тебя в качестве переводчика, — сказал Манас.

Он хотел увидеть Кызылбека аву, который отправил ему в дар Аккелте, и выразить благодарность от имени народа. Манасу чудилось, что Кызылбек ава мог забыть родной язык и не сможет объясняться на нем. Поэтому он решил взять с собой только Шуйкучу и больше никого, чтобы никто не знал о родстве Манаса с калмыцким оружейником.

Когда Конурбай прискакал к Карыкану в обиде на Эсенкана, что тот начал переговоры с врагом, был разгар осени. Карыкан принял его радушно, никак он не злился на действия Эсенкана. Наоборот, он одобрил действия Эсенкана, наладившего связь с бурутами. Он тоже понял великую опасность, исходящую от чудовищ племени сазаншон. Поэтому он одобрил временную дружбу Эсенкана с бурутами. Но и Конурбая тоже не упрекал, что он бросил Эсенкана в тяжелые для него времена. Он прекрасно понимал, что Конурбай окажется главной силой в его руках, когда будет покончено с сазаншонами при помощи

бурутов. Нужны были люди, которые смогут изгнать бурутов из кангайских земель. Карыкан дал Конурбаю большое войско, чтобы он готовился сражаться с бурутами и изгнать их из родных краев...

Конурбай всю зиму упражнял войско в разных боевых действиях. Упражнял копейщиков, сабельщиков и лучников по отдельности и совместно. Требовал от всех жайсанов, чтобы каждый воин овладел всеми видами оружия. Требовал, чтобы копейщик мог и сражаться саблей, и стрелять из лука. Он отправлял в Чет-Бейджин множество разведчиков, чтобы ведать обо всех событиях, происходящих в ханстве Манаса. Каждый день приходили к нему разведчики с вестями и уходили от него за новыми сведениями.

Предупредил всю знать кангайских народов, чтобы по его знаку быстро собрали войско и приехали под начало Карыкана в земли Тюп-Бейджин.

Наладил большие связи с Нескарой, даже с самим Шуйкучу, помощником Манаса, бывшим помощником Нескары. Он сам переехал на окраины Чет-Бейджина, чтобы получать сведения от своих разведчиков с быстротой молнии...

Он самостоятельно упражнялся с ручным копьём, где древко было небольшой длины, равной длине руки. Наконечник копья при изготовлении был закален и опущен в

змеиный яд, чтобы отравил металл. Он помнил заветы отца Алооке, что Манаса можно убить ударом копья сзади. И поэтому он постоянно вынашивал мысли, как это устроить.

Один из разведчиков вечером заглянул к Конурбаю с лепешкой в свертке. Внутри лепешки должно было быть письмо от Шуйкучу. Конурбай вытащил письмо. В нем говорилось, что завтра утром Манас посетит оружейный двор один, без охраны. Он почесал руки...

Ранним утром Конурбай за стеной оружейного двора оставил своего помощника с лошадьми. Алгара его понимал, он ему показал знак, по которому скакун должен был ждать его появления. Конурбай перепрыгнул через стену оружейного двора...

Кызылбек ава со слезами на глазах всю ночь не мог сомкнуть глаз. Здесь ему дали имя Китан с малых лет. Попал он на оружейный двор после изгнания из Ала-Тоо в возрасте семи лет прислугой кангайскому маалиму. Проявляя умственные способности, он вник в дела своего хозяина. Прошли годы, он стал превосходить знаниями маалима. Пришлось ему продолжить дело хозяина после его смерти, подбирать и искать пулемечущие устройства, что используют порох. Вот только он нашел такое устройство, как нагрянули кыргызы. Кыргызы, его народ, который породил его, но не смог сберечь от плена врагов. Его

предупредили, что утром придет к нему сам Манас, предводитель кыргызов. Он его родственник, сын родного брата Жакыпа...

— Кого ждете? — Вопрос заставил вздрогнуть Кызылбека аву.

Он увидел Конурбай. Он не стал ему отвечать.

— Хочешь увидеться с кыргызским каганом? — Конурбай злился, что его вопрос остался без ответа. — Теперь ты взялся служить Манасу?! — Вопрос прозвучал как упрек.

— Я не знаю, — пробормотал Кызылбек аксакал.

— Зато я знаю, — Конурбай ударил ножом старика прямо в сердце.

Он быстрыми шагами прошел в соседнее помещение, где готовились на выход Дархудай и его двое помощников. Ударом кулака Конурбай свалил Дархудая на пол. Других убил Конурбай ударом ножа, пока те не могли сообразить, что же происходит с ними. Он перерезал горло Дархудаю, перенес его через тропинку на поляну и бросил тело на землю.

«Если Манас придет один во двор, то он обязательно наклонится над умирающим человеком, подставляя свою спину», — так думал Конурбай и спрятался в помещении напротив тела Дархудая. У него в руках сверкало наконечником ручное копьё...

Манас зашел в оружейный двор в сопровождении Шуйкучу. Аккулу со скакуном, на котором приехал Шуйкучу, они оставили за пределами двора. Он быстрыми шагами прошел в глубину двора, где лежал Дархудай. Увидев Дархудая, он остановился и внимательно посмотрел на него. Манас узнал Дархудая.

— Дархудай! Дархудай!

Манас подбежал к телу Дархудая и поднял его голову. Земля была в крови. Тело еще было теплым.

— Дархудай! Дархудай!

Манас приложил голову к груди Дархудая, не выпуская его тело из объятий.

Кто-то ударил его по спине.

— Что случилось?! — Манас повернул голову назад и увидел Конурбая, у которого расширились глаза от испуга.

Конурбай побежал к стене за постройкой.

— Стой, вор!!! — закричал ему Манас.

Конурбай перепрыгнул через стену и исчез бесследно.

В это мгновение прибежал Ажыбай и увидел Манаса с ручным копьём, воткнутым в спину.

— Что с тобой, мой великодушный?! — завопил Ажыбай с горя. — Лучше бы ослепли мои глаза, чем видеть такой кошмар с тобой.

— Тяни! — прикрикнул на него хан Манас.

— Чего? — Ажыбай не понял.

— Копье!

Ажыбай потянул копьё на себя, он сам ничего не чувствовал. Но копьё не поддавалось, невольно ему пришлось пошатать его в разные стороны.

— Не шатай! Прямо тяни! — закричал Манас от боли.

Наконец Ажыбай вырвал копьё из тела Манаса. Наконечник копья вышел с отломленным концом. Ажыбай понял, что острие наконечника осталось в костях позвоночника. Манас упал ничком на землю без сознания...

Великая война

Манас пришел в сознание к полудню, когда его доставили во дворец. Его окружали Алмамбет, Чубак, Сыргак и другие чоро. У Ажыбая текли слезы из глаз.

— Это я виноват в том, что произошло, — беспрестанно говорил он, предаваясь горькой печали.

— Рассказывай, Ажыбай, — потребовал у него Алмамбет, — как все это произошло.

— Утром я обнаружил, что нет на месте великодушного, — начал рассказывать Ажыбай. — Спросил у охранника. Он сказал, что великодушный поехал на оружейный двор в сопровождении Шуйкучу. Я тут же отправился следом за ними. Увидел, что из спины великодушного торчит копьё.

— А где Шуйкучу?

Его не было нигде. Поиски не дали никаких результатов. Он исчез...

Все заботы Алмамбета переключились на лечение Манаса. Больной то терял сознание, то приходил в себя. Когда бывал Манас в сознании, он мог ходить и говорить. Алмамбет не мог определить, в какое время великодушный может потерять сознание. Он терял сознание внезапно, без каких-

либо признаков. Полмесяца провел Манас в таком неопределенном состоянии.

Ранним утром одного из последующих дней аскер охраны прибежал к Алмамбету.

— Ваше величество! Враг повсюду! Мы окружены! — Аскер упал на колени...

Алмамбет поднялся на сторожевую вышку, где была возможность узреть все вокруг города Чет-Бейджина. На верхней площадке сторожевой башни Алмамбет смотрел на окружавшее Чет-Бейджин войско кангайцев. Оно по численности в десятки раз превышало войско кыргызов. Превосходящие силы противника не особенно беспокоили Алмамбета. Его беспокоила рана Манаса. Она была загадочной для всех. Временами Манас впадал в забытие. Алмамбета беспокоило именно это состояние великодушного. Манас замыслил прорваться всеми силами своего войска с помощью приема «сечь кабана» и выйти из окружения. Вдруг станет Манасу плохо? Этого никак нельзя допускать. Его нужно уговорить, чтобы он не рвался в бой с врагом, а постарался выбраться из окружения. Он видел Конурбая, который скакал в разные стороны перед жайсанами на скакуне Алгаре, указывая на недопустимость отхода и отступления. Он видел и Нескару, который находился под влиянием Конурбая и молча выполнял его указания. Его состояние тоже было понятным. Если уйдут

буруты, никто не станет уважать одного из правителей кангайского народа, который когда-то служил вражескому кагану. Они не захотят отпустить кыргызов свободно и по возможности будут препятствовать движению Манаса. Им нужно, чтобы Манас оказался у них в руках, чтобы наслаждаться муками Манаса в плену у кангайцев. Калмыки понимали, что буруты используют прием «сечь кабана», и поэтому Конурбай расположил свое войско в несколько рядов в глубину. В первых рядах сидели лучники, чтобы без помех пустить стрелы по наступающим аскерам бурутов. За ними Конурбай расположил копейщиков, за копейщиками встали воины с топорами, палицами и саблями.

Алмамбет решил и сразу же повелел одновременно открыть ворота в шести местах стен Чет-Бейджина в северном направлении. К счастью, все ворота оказались поблизости друг от друга. Это обстоятельство помогло быстро сомкнуться главным силам всех войск и устроить одновременно «сечь кабана». Впереди всего войска выступил Ажыбай с главным стягом Манаса, в сопровождении своего тумена. Войско построилось так, что в головной части образовался клин, которым можно постепенно расширять и расчищать себе путь для ухода в просторы кангайских земель, чтобы там устроить полноценную войну против Конурбая, а не зажиматься со всех сторон. Отовсюду раздавались боевые ураны:

— Ма-на-ас! Ма-на-ас!!!

Войско Алмамбета хлынуло вперед, разрывая пополам войско Конурбая. Навстречу войску тучами полетели стрелы. Оно, не останавливаясь, продолжало движение. И вот наконец войско врага порвалось. Оно разделилось на несколько частей. Помогло войску Алмамбета его упрямство и единоедушное понимание, что оставаться в окружении смерти подобно. Алмамбет, Чубак и Сыргак, возглавляя каждый по тумену, устраивали набеги на врага, подобно раненому зверю. Когда они нападали, всем казалось, что богатыри косят врага как сено. Где они ни проезжали, враги избегали с ними встречи. Сорок чоро не отставали от трех богатырей. Как только богатыри поворачивали своих скакунов, враг немедленно останавливался, ожидая набегов. Как только войско с боями отходило подальше от врага, богатыри тоже, отбиваясь, уходили обратно к своему войску. Манас и его окружение ушли далеко вперед, успокаивая Алмамбета. Они доехали до местности, где оставались основные силы войска кыргызов. Сорок туменов сорока чоро спокойно проводили время после войны с чудовищами племени сазаншон. Теперь он, не переживая ни за что, сможет сражаться с врагом. Как только увидел Алмамбет большое свое войско, что-то заставило екнуть его сердце. Он сразу почувствовал, что, если узнает войско о ранении Манаса, оно может потерять боевой дух, и поэтому

он решил скрыть от всех беду, что произошла с Манасом. Быстро возводили походный шатер Манаса.

— Постарайся, брат, — сказал ему Алмамбет, — о своем ранении не сообщать никому.

— Понимаю, — сказал Манас.

Он сам, как обычно, спешился с Аккулы и направился в сторону шатра. В движениях не было заметно особых отклонений. Сама рана Манасу не мешала. Его мучила только постоянная боль. Она была непрерывной и нудной, порой от этой боли уходила душа в пятки.

Конурбай очень горько сожалел, что его войско не смогло удержать и сломить буротов численностью всего в три тумена с приемом «сечь кабана». Он не мог предположить, что буроты смогут быстро объединить все силы в одном месте. Самое главное, надо было задержать самого Манаса, что тоже провалилось позорным образом. Вот теперь Манас приехал в свои кочевья с остатками войск, где от трех туменов осталось несколько тысяч аскеров, меньше тумена. Видимо, они успели сообщить большому войску. Оно уже было в боевой готовности. Конурбай сходу не посмел устроить набег на большие силы противника. Необходимо было продумывать дальнейшие действия по уничтожению всех буротов, которые наступили на земли калмыков, манжу и жунгаров, на земли кангайцев. Конурбай остановил свое

войско на привал. Он собрал совет для принятия необходимых решений.

— Манас нам уже не страшен, — сказал Конурбай своим богатырям. — Он ранен.

Послышались радостные возгласы из уст богатырей. Они в один голос выражали всеобщую радость.

— Но у бурутов имеются и другие, не менее отважные, богатыри, — продолжил Конурбай.

Одобрящие возгласы сопровождались возмущенными.

— Это Алмамбет, Чубак и Сыргак, — сказал Конурбай. — Это они являются главными силами бурутов. Это они наносят все удары по рядам наших жайсанов.

— Нужно объявить на них охоту, — предложил Ушан, глава тыргоотов.

— Пусть Шыпшайдар возьмется за такое дело, — велел Конурбай.

Встал со своего места Шыпшайдар, сын лучника Каражоя.

— Хорошо, мой калча, — сказал Шыпшайдар. — Мне нужно выбрать места для засады.

— Хорошо, что еще? — спросил у лучника Конурбай.

— Подберите жайсанов, чтобы они выступили приманкой.

— Чангели решит тебе все вопросы по подбору жайсанов, — Конурбай показал на своего помощника. — Ему будешь показывать места твоей засады.

— Хорошо, — кивнул головой Шыпшайдар.

Чангели подошел к Шыпшайдару. Они вдвоем вышли во двор желтого шатра Конурбая.

— Сколько людей готовить в качестве приманки? — спросил Чангели у Шыпшайдара.

— Должно быть три кучки людей, — сказал Шыпшайдар. — Чтобы каждая кучка стала приманкой для одного из богатырей бурутов.

— Что они должны делать?

— Каждая кучка нападает на богатыря и с боем отступает в сторону, где я окопался в засаде.

— Хорошо, Шыпшайдар, — улыбнулся Чангели. — Только ты не меняй место засады без предупреждения.

— Хорошо, мой торе! — Шыпшайдар обещал сдержать свое слово.

Огромное войско Конурбая, около трехсот туменов численностью, которое собралось в то время, когда Манас со своими людьми сражался с чудовищами племени сазаншон, напало на войско бурутов. Войско бурутов старалось отступать в сторону горной местности. А войско Конурбая постаралось не позволить бурутам исчезнуть в объятиях горных пещер. Они старались прижать бурутов к бескрайним степям, чтобы те были всегда на виду и их удобно было окружить на ровных землях. Буруты кучками отражали набеги калмыков. Устраивали встречные набеги в

передние ряды калмыцких войск, нанеся большой урон в живой силе. Алмамбет всегда смотрел на тех аскеров, которые устраивали набег, и в нужное время давал им голосом знак отступать. Если кто пренебрегал знаками или увлекался схваткой, ему приходилось расстаться с жизнью. Он оказывался в окружении врагов, и его стаскивали с коня и прикончивали ударом копья или меча. Как только подан голосовой знак Алмамбета, кучка аскеров возвращается к своему месту. На следующий набег устремляется следующая кучка аскеров. Таким образом буруты нанесли большой урон войску Конурбая. Алмамбет со своим войском сражается с врагом шесть дней. Далее в сражение включается Чубак со своим войском. Он сражается беспрестанно семь дней и семь ночей. Далее Сыргак со своим войском численностью в несколько туменов встречает калмыцкое войско еще семь дней и семь ночей. Три богатыря бурутов поделили сорок туменов сорок чоро на четыре части. Одна часть постоянно находится вокруг шатра Манаса в качестве охраны. Тумены Жамгырчы, Кокче и Кобиша сражаются с врагами на другом крыле. Работали аскеры поочередно, если одна кучка аскеров устает, идет в набег вторая или третья.

Войско Конурбая превосходящими силами прижали бурутов к безводным степям Чел-Майдан. Ясное дело, где нет воды, там нет жизни. В землях Чел-Майдана не было

ничего, свирепствовала одна пустота. В глазах богатырей затухали искры надежды, у скакунов иссякали силы. Алмамбет вспомнил о провизии, что приготовила для войска заботливая Каныкей. Там, кроме еды для аскеров, была и приворотная трава для скакунов. Она говорила, что нужно употреблять ее в тяжелое для войска время, если оно случайно наступит. Алмамбет велел раздать всем аскерам по частям еду и траву из этих запасов. Появились силы в телах аскеров и скакунов, глаза всех излучали великую мощь от Тенгри и стойкость к внешним трудностям. Алмамбет приказал выступить всему войску и разбить окружение. Наконец удалось кыргызам прорвать ряды крупных сил войска Конурбая и вырваться на просторы горных склонов предгорий Кангай-Тоо. У каждого воина прибавлялось количество ран и ушибов, которые отнимали у него много сил и мощи. Алмамбету и его войску удалось вернуться к лагерю, где находился каган Манас.

Три богатыря зашли в шатер Манаса, чтобы справиться о состоянии здоровья Манаса.

— Как самочувствие, великодушный? — спросил у Манаса Алмамбет.

— Сердце болит оттого, что вы мне не позволяете сражаться рядом с вами, — виновато улыбнулся Манас.

— Мы сами справляемся, — подал голос Чубак.

— Вижу, что вам очень трудно, — сказал Манас. — Но наша земля и наш народ живут сейчас с радостью, что мы передали с Бакаем ава.

— Она может уйти, мой хан, — сказал Чубак.

— Нельзя нам допускать такую мысль, — сурово сказал Манас. — Нельзя нам омрачать радостное настроение народа.

Манас встал со своего ложа:

— Вернем Чет-Бейджин обратно!

Богатыри молча, без возражений приняли слова великого кагана как веление Вечного Синего Неба.

Алмамбет сообразил, что кангайцы усилят свое наступление после некоторой передышки. Они тоже устали от сражений. В настоящее время все тихо. Нет никаких признаков, что кангайцы готовятся к очередному наступлению. Можно устраивать перенос лагеря в другое, более безопасное для шатра Манаса место. Только Манаса с одним туменом переселили на берег реки Кара-Суу рядом со знаменитой горой Тал-Чоку, разведка доложила, что калмыки выступили на войну. Алмамбет приказал приготовиться к большой войне. Все аскеры начали приводить себя в порядок. Лучнику наполняли свои колчаны стрелами, проверяли натяжение тетив и исправность стрел и луков. Копейщики точили острия своих

копий. Сабельщики проверяли остроту лезвий своих сабель и мечей.

К восходу солнца следующего дня войско кангайцев с несметным количеством жайсанов напало на кыргызский лагерь со всех сторон. Вначале поднялись войска Жамгырчы и Кокче, чтобы отразить противника. Набег врага не отличался такой храбростью, как прежде. Было видно, что все жайсаны кангайского войска побаиваются переходить к решительным действиям. Большинство жайсанов глазами искали кыргызских богатырей, чтобы избегать встречи с ними, занять другое, безопасное, положение среди жайсанов. Богатырь Чубак со своим туменом вошел как клин в главные силы калмыков на некоторое время остановил напор наступления. Калмыцкие жанжуны, будто заранее предвидя поступок Чубака, начали окружать весь его тумен своими войсками. С правой стороны войско Конурбая и Айжанжуна, с левой стороны войско Кунжанжуна, спереди Нескара своими людьми стали рубить войско Чубака, беря весь его тумен в кольцо. Алмамбет дал голосом знак выручать Чубака. С правой стороны войска Чубака пошло отражать врага войско Ажыбая, с Кыргызчалем и Шууту с огромным калпаком в рядах. С левой стороны врезался в ряды врага богатырь Сыргак на своем Кокказыке. Рядом с ним рубили врагов Бозуул и Байчоро. За короткое время

полегло так много воинов, что пришлось остановить бойню на этом месте. Войска начали отступать в разные стороны.

В полдень кангайские войска возобновили свои набеги на лагерь кыргызских войск. Впереди всех рванул богатырь Кокче, чтобы вступить в бой с калмыцким войском. Как прежде, кангайцы стремились погнать бурутов на равнины безводных степей. Это было видно по направлению набегов кангайских войск. Кокче не стал принимать условия калмыков. Он пошел напролом на ряды жайсанов, чтобы укрепить свое положение на горных склонах. Калмыки окружили его со всех сторон. Алмамбет направил все силы своего войска в гущу жайсанов, чтобы вытащить Кокче из окружения. Но судьба была безжалостной. Стрела Шыпшайдара попала ему прямо в лоб. Вечное Синее Небо перевернулось перед всем войском бурутов.

От горя люди могут озвереть, так и случилось с Алмамбетом. Он помчался на Сарале и ударом копья свалил с коня кангайца Айжанжуна. За Алмамбетом мчался богатырь Сыргак, чтобы обезопасить его сзади. Он мигом отрубил голову Айжанжуна. За ними на своем Коктеке Чубак свалил Нескару. С криком: «Предатель!» — Алмамбет разрубил Нескару на несколько частей.

Конурбай помчался на Алгаре к Алмамбету, чтобы ударить его копьем. Но ему не дал ударить Алмамбета Музбурчак. Он напал на Корнубая сбоку с копьем, целясь

прямо в сердце. Просвистела стрела и впилась в голову Музбурчака в тот миг, когда один выдох отделял его от удара в сердце Конурбая. От большой обиды простонал Сыргак, сердце его болело, что не стало Музбурчака. От злости на Конурбая он направил своего Кокказыка вслед за Алгарой, который в свою очередь понес своего хозяина в гущу жайсанов. Конурбай знал, где расположился Шыпшайдар. Он направил Алгару в ту сторону, где сидел Шыпшайдар наготове, с боевым луком. Сыргак успел ударить Конурбая копьем, и тот свалился с Алгары. Блеснула Жойкума в руках Сыргака. Со всей силы Сыргак замахнулся, чтобы отрубить голову Конурбая. Кокказык споткнулся о труп неизвестного воина, и это спасло Конурбая. В это время упал шлем с головы Сыргака. Не успел Сыргак сделать вдох, как наконечник стрелы Шыпшайдара воткнулся в его голову. Вмиг яркий свет вселенной для Сыргака превратился во мглу. Он не мог удержаться в седле Кокказыка. Начал сползать с него. Следующая стрела попала в голову Кокказыка, заставив коня упасть на своего хозяина.

Известие о смерти Сыргака, Кокче и Музбурчака стало большим горем для Манаса. Каждый из них был равносителен целому тумену войск. Война не жалеет никого, даже тех, кто ждет богатырей на благодатных землях Ала-Тоо. Манас вспомнил невесту Сыргака Канайым, дочь хана Кошоя,

которая провожала Сыргака в великий поход только с одним желанием, чтобы он возвратился целым и невредимым. Теперь как Манас посмотрит в глаза Канайым, что он скажет всем тем, кто ждет своих сыновей, братьев и отцов? О-о, проклятая война. О-о, проклятые маалимы, которые придумали чудовищное племя сазаншонов. Манас сам не заметил, как у него сомкнулись кулаки, как они взмыли вверх к небу и как он простонал от горя.

— Простите меня! Мои богатыри!

Манас повернулся вбок и увидел Ырчы уула.

— Ты что здесь стоишь?! Бегом принимай тумен Сыргака!

Ырчы уула мигом след простыл. Он быстро собрал войско Сыргака и с нечеловеческой яростью напал на кангайцев. Правое крыло войска кангайцев терпело страшное поражение от объединенных сил войск Чубака и Музбурчака. Получилось, что войско Музбурчака примкнуло к войску Чубака для совместных набегов на врага, чтобы утолить горе каждого воина по любимому аскербашы. Левое крыло войска кангайцев терпело крушение под натиском войска Алмамбета. Он сам среди своего войска рассекал противников удвоенной силой. В середине кангайского войска творили чудеса мастерства в уничтожении жайсанов все сорок чоро Манаса. Одного из богатырей Конурбая по имени Канжаркол Чубак свалил с коня ударом копья в грудь. Следуя за Чубаком, Ажыбай

успел отсечь голову Канжаркола саблей. Смерть Канжаркола причинила Конурбаю сильную душевную боль от ухода из жизни близкого человека. От большой обиды он помчался за Чубаком. Алгара считался крылатым конем и мигом оказался рядом с Коктеке. От удара Конурбая Чубак свалился на землю, выпав из седла. Враги окружили его со всех сторон. Чубак оказался в трудном положении. Но ему помогла бдительность Алмамбета, который на Сарале напал на врагов, окруживших Чубака, и его самого на скаку положил поперек седла, будто играя в «кокбору». Чубак опять сел на своего скакуна Коктеке, примчавшегося к нему по свисту.

— Кыргыз чал! — позвал Алмамбет главу сорока чоро. — Теперь возьми управление в свои руки. Устраивайте врагу «собачий бой».

По всем полю битвы прозвучал голосовой знак кернаев и сурнаев, оповещая о перестройке боевых рядов для проведения «собачьего боя».

— Невозможно, Чубак, уничтожить всех кангайцев, — с горечью сказал Алмамбет. — Видимо, нам следует убраться из земель Чет-Бейджина.

— Да, нам нужно уходить в свои земли, — согласился Чубак. — Главную задачу мы выполнили.

— Поехали, Чубак, посоветуемся с Манасом, — предложил Алмамбет.

Чубак согласился. Они вдвоем поскакали в ставку Манаса во временном лагере.

— Я рад, что вы живы-здоровы, — сказал Манас, как только они вошли в ханский шатер. — Но душа болит оттого, что редуют наши ряды.

— Мы же выполнили главную нашу задачу, — сказал Алмамбет. — Нам можно возвращаться в Галас.

— Да, — согласился Манас. — Мы добились той цели, каковую поставили перед собой.

— Раз так, — включился в разговор Чубак, — нам нужно бежать в сторону Ала-Тоо.

— Вы совсем с ума посходили, — Манас хотел закричать, но не получилось. — Что, у врагов нет скакунов, чтобы догонять бегущего врага?

— Не совсем, а с боями, — начал говорить Алмамбет.

— Слушать вас не хочу! Если побежишь, враг просто будет с радостью тебя добивать, — Манас дал понять, что разговор окончен. — Завтра я тоже приму участие в сражениях.

— Тебе нельзя, — не согласился Алмамбет. — Но ты прав, нам невозможно уйти без боя. Будем сражаться до конца.

— Я тоже понял, Манас ава, — Чубак старался быть вежливым. — Вам нельзя принимать участие в боях. Вы — боевой дух всего войска. Терять вас нам нельзя. Вы ранены.

— У Конурбая служит бесценный стрелок Шыпшайдар, — начал рассказывать Алмамбет. — Мы учились вместе. Он в темноте попадет стрелой в ушко иглы. Это он застрелил Сыргака, Кокче и Музбурчака.

— Дай Кобишу задание, — велел Манас Алмамбету. — Пусть он разыщет его и покарает.

— Он уже занимается этим, великодушный, — продолжил Алмамбет. — Если вдруг Шыпшайдару удастся меня убить, останки мои похороните в землях Ала-Тоо.

— Ты что говоришь, Алмамбет, — возразил Чубак. — Накликаешь на себя зло. Нельзя так.

— Это мои заветы. Арууке осталась беременной. Если родит мальчика, назовите его Кюлчоро.

— Почему-то, Алмамбет, ты начал плохую игру, — возмутился Манас. — Теперь я тоже пойду сражаться.

Манас почувствовал, что у богатырей иссякают силы и убывает дух у каждого из них.

Они, богатыри, не дали ему сражаться с врагом. Они сами опять поехали на бойню с противником.

Яростный Конурбай еще раз погнал свое войско на лагерь бурутов. Ему не терпелось взять живьем в плен Манаса. Ему чудилось, что вот-вот Манас окажется в его руках. И тогда, о-о, как он будет издеваться над ним! Покажет ему кузькину мать. Припомнит поминки Кокетея, припомнит, что он отбил у него красавицу Сайкал. И недавнее

издевательство Манаса, как тот пренебрег им, Конурбаем, даже не вспомнил о нем, будто Конурбая не было на этом свете. Будет он, Манас, наслаждаться алаткаками, а не земными красавицами. Конурбай вспоминал все свои обиды, и очень сильно ему хотелось взять в плен Манаса.

— Вперед! — Конурбай орал своему войску изо всех сил и гнал его вперед, несмотря на многочисленные жертвы.

Алмамбет его увидел, как только сел на Саралу. Направил он коня прямо к нему. Разорвал он мигом окружение Конурбая, охранявшее калча от врагов, и ударил копьём по нему, когда тот развернул Алгару для побега. Конурбай вылетел из седла и пал на землю. В это время Чубак приготовился саблей снести голову Конурбая и не заметил стрелу, что впилась в открытое место под мышкой. Она поразила легкие Чубака, который не успел осуществить свое желание и потерял сознание, упав на землю из седла Коктеке. Он не заметил и то, как оказался на наконечниках десятка копий окружавших его врагов...

За Чубаком Серек поймал стрелу Шыпшайдара. Следом за ним погибли Акаяр, сын Арча хана Акжолтой и чоро Шууту. Из родных людей Манаса погиб и Байчоро.

Передние части кыргызских войск под управлением сорока чоро во главе с Кыргыз чалом неотступно вели «собачий бой». Иногда они добивались перевеса. Но в места, где добивались перевеса в силе буруты, Конурбай вводил

все новые и новые свежие силы кангайских войск. Алмамбет со своим туменом воевал в самых опасных участках боя. Все время искал глазами самого Конурбая. Он прекрасно понимал, что Конурбай воплощает боевой дух калмыцких войск. Он считал, что если не станет Конурбая, то прекратятся и набеги кангайцев. Тогда станет возможно увести Манаса в земли Ала-Тоо, в родные земли. Вот Алмамбет увидел наконец Конурбая, который показался Алмамбету для того, чтобы враг погнался за ним в сторону, где сидел Шыпшайдар. Алмамбет ударил Саралу по бокам пятками ног. Сарала тоже понял, куда его гонит Алмамбет, и помчался в сторону, где стоял и смотрел на него Алгара. И Алгара тоже, не ожидая действий Конурбая, рванулся к Шыпшайдару, неся на себе любимого человека. Кто-то помешал Алмамбету, перегородив ему дорогу. Это оказался Кунжанжун, который расстался с головой от удара сабли Алмамбета. Тот дальше погнался за Конурбаем. Усилия Саралы увенчались достойно, догнать он Алгару. Вот уже Алмамбет нагнулся взяться за полог кементая Конурбая, чтобы стащить его с Алгары. Вдруг спотыкается Сарала, подбрасывая Алмамбета, из-за чего у него сползает шлем с головы. В открытый лоб Алмамбета забивается стрела, как гвоздь, сваливая его с коня. С недовольным ржанием Сарала устремляется в другую сторону...

О гибели видных богатырей кыргызского войска нужно было сообщить самому великодушному. Ой, как это тяжело. Кто сможет сообщить такую всеобщую боль? Как язык повернется, чтобы сказать плохое слово? Слово, которое вынуждает родных и близких проливать слезы, вызывает опустошение и ярость у того, кто вымолвил это страшное, жуткое слово. Но произнести его нужно, обязательно нужно, чтобы жить дальше.

Взялся сообщить плохую новость великодушному богатырю Ырчы уул Ырамана. Он взял комуз в руки и поправил голос. Очень осторожно тронул он пальцами жилы комуза. Начала исходить печальная мелодия из чары комуза, что сразу вызывала у всех жалость в душе, будто пальцы Ырчы уула затронули невидимые жилы сердца у тех, кто находился рядом с ним. Брызнули слезы из глаз. Прозвучал голос Ырчы уула с такой скорбью, что капли слез превратил в ручьи, что овладел сознанием каждого, и чтобы освободиться от тяжести утраты, необходимо было пролить всю соль внутренней жалости.

— Кто-о-о?! — Манас зарычал, как лев, пораженный в самое сердце стрелой меткого лучника.

Ырчы уулу Ырамана оставалось только перечислить всех поименно, кто пал смертью защитников чести богатырства кыргызов.

Манас упал ничком, кулаками вгрызаясь в землю. Его пальцы разжимались в земле и впивались снова, в кулак собирали горстки земли.

— А-а-а-а-а!!! — Манас выпустил из себя истощенный выкрик и продолжил: — А-а-а-а-а!!

Смотреть на него было страшно и жалко, он всем своим видом наводил страх на всех, кто смотрел на великодушного богатыря. Многим хотелось к нему присоединиться и забыться в скорби и горести.

— Мужайся!!! — Голос Бакая прогремел рядом с Манасом.

Только он, только Бакай мог обратиться к Манасу таким властным голосом. Большое облегчение охватило всех, кто находился рядом, словно Бакай снял весь груз с них, не способных сообразить, как развеять печаль Манаса.

— А-а-ва-а! — Манас обнял Бакая. — Я потерял всех моих близких!

— Мужайся, Манас! — закричал с горем Бакай. — Всем нам тяжело! Всем нам горько терять близких нам людей!..

Оказалось, что Бакай только прибыл из Таласа в то время, когда кыргызы потеряли всех своих славных сыновей, всех защитников отечества и людей, которые родились на славу народа.

— Аккула! — закричал Манас. — Ак-ку-ла-а!!!

Вмиг скакун появился рядом с Манасом, будто давно ждал зова своего хозяина. Манас запрыгнул на него одним рывком. Актаяк подал ему Сырнайзу. Манас погнал Аккулу в сторону вражеских стоянок изо всех сил. Многие чоро поскакали рядом с ним и придерживали Аккулу.

— Опомнись, Манас!

— Прекрати, Манас, давай позднее!

Но Манас никого не хотел слушать, разбросал он всех в разные стороны и выкрикивал:

— Мои братья! Я с вами! Возьмите меня с собой!

Вдруг Аккула начал падать. Стрела торчала из груди именно в том месте, где стоял отпечаток покровителя лошадей Камбар Аты. Точно так же, как когда-то падал Торучаар, Манас оказался на земле. Аккула лежал без движения. Манас упал на него с плачем.

— Аккула! Ты мой Аккула!

Слезы катились из глаз Манаса ручьем. Вдруг Аккула поднял голову и положил ее на плечо Манаса.

— Ак-ку-ла-а-а!!! — закричал Манас. — Не бросай меня!

Он обнял теперь голову Аккулы и прижал ее к своей щеке. Слезы катились из его глаз. Это был третий раз в жизни, когда он по-настоящему плакал и проливал слезы. Первый раз, когда он потерял Мендибай аву, второй раз пришлось проливать слезы, когда он нашел свою родную сестру Кардыгач.

Медленно начало исчезать тепло, исходящее от головы Аккулы. Манас это чувствовал...

Кыргызл чал помог ему подняться и пойти в сторону походного шатра.

— Радостная весть для тебя, Манас! — провозгласил Бакай торжественно, чтобы у Манаса появился интерес к жизни и поднялось настроение.

— Что за весть, Бакай ава? — спросил Манас, понимая, что ни одна радость не сможет сейчас его развеселить.

— У тебя родился сын! — объявил Бакай с радостью. — Я ему дал имя Семетей!

— Спасибо, Бакай ава, за радостную весть. — У Манаса опустилась голова. — Но у меня сердце полно скорби.

Из внешнего мира вползла в душу великодушного неизвестная ему теплота и остановилась где-то внутри груди, дав ему почувствовать желание увидеть младенца — сына и продолжателя его дела.

Бакай передал сверток Манасу.

— Передала это тебе Канькей, — сказал Бакай.

Манас раскрыл сверток из плотной ткани. Нашел он в свертке мастерски сложенный огнемет Аккелте. Рядом находились в мешочке порох и огниво.

— Канькей рассказывала, что у тебя в воротнике спрятана пуля, дар от самого Орозду баатыра, — сообщил Манасу Бакай.

Манас аккуратно распорол воротник своего аколпока и нашел там пулю из священного луча Тенгри. Немедленно собрал огнемёт, заправил порохом, забивая его пыжом из бумаги. Затем загнал пулю в ствол и ее тоже забил пыжом при помощи шомпола, чтобы они самовольно не выпали. Поднялся на холмик и начал рассматривать стоянку кангайского войска. Вот Конурбай стоит перед лучниками Шыпшайдара и что-то им объясняет, размахивая руками. Семеро лучников во главе с Шыпшайдаром встали в ряд перед Конурбаем и требовали от него вознаграждение за убитых богатырей кыргызского войска.

Прозвучал оглушительный выстрел Аккелте. От страха Конурбай упал на землю, прикрывая голову руками. Он увидел лежащих рядом с собой лучников. Через некоторое время он немного осмелел и встал во весь рост. Оказалось, что все семеро лучников лежат с пробитыми головами без признаков жизни. Конурбай быстро спрятался в своем шатре. Он почувствовал, что следующий выстрел пробьет его голову. Обуял его страх. Велел он Чангели собрать все войско и бежать в Чет-Бейджин, чтобы спастись от чудовищных выстрелов неведомого оружия. Кангайское войско немедленно собралось и побежало в сторону Чет-Бейджина.

— Кы-ыргы-ыз!!! — изо всех сил бросил клич великодушный, взбираясь на Тайбуурула, которого подал

Бакай Манасу.

— Ма-ана-ас! Ма-ана-ас!!!

Все чоро Манаса рванулись к стоянке врага. За ними пошло войско с боевым ураном.

Ма-ана-ас!!!

Затрещала земля. Топот множества копыт превратился в глухое эхо, что, казалось, исходит из-под земли.

В это время Манас увидел на черте стыка земли и неба огромные очертания сорока всадников-чильтанов. По всему Вечному Синему Небу пронесся оглушительный голос:

— Манас, остановись! Вернись в Талас!

Манас прислушался к голосу и дал знак войску остановиться...

Войско кыргызов во главе с Бакаем медленно начало движение в сторону Таласа. В сторону великих гор Ала-Тоо со снежными вершинами, которые всегда ждут своих сыновей с распростертыми объятиями. Родные земли ждут их всегда, где бы сыновья не находились, и уверены в том, что никакие клочки их не окажутся под ногами врагов.

Все заботы по устройству отъезда в родные земли взял на себя Кыргыз чал. Он приказал обработать останки всех богатырей лекарям и погрузить их на арбы и обозы. Тело Алмамбета по его просьбе погрузили на Саралу. Так велел сам Манас. Он слышал заветы Алмамбета. Многие тела были

с почестями преданы земле. У всех воинов лица затопила грусть и печаль, что останки боевых друзей остаются на чужбине. Что им не позволено вернуться в родные земли со стороны Тенгри и Вечного Синего Неба.

Манаса положили на обозе так, чтобы он мог узреть все происходящее вокруг себя. Но он постоянно смотрел на Вечное Синее Небо над головой. Когда Кыргыз чал велел тронуться великому каравану, из глаз великодушного богатыря брызнули капли слез. Это были слезы расставания со светлым миром.

Большой караван шел в печали и скорби, потому что нес еле живого Манаса, чтобы с ним проститься в родных землях.

Он, большой караван, шел в печали и скорби, потому что нес останки своих богатырей, чтобы предать их в объятия родных земель.

Перед глазами Манаса встала девица Сайкал во всей красе, будто звала его к себе. Будто она находилась на берегу озера Иссык-Куль. Будто была готова выйти замуж за него, за Манаса, на том свете.

И его повез караван к ней... на тот свет...

Конец седьмой книги

г. Бишкек, 2020 г.

Послесловие

Уважаемый читатель! Я весьма благодарен вам за то, что вы смогли ознакомиться с нашим кыргызским народным легендарным богатырем Манасом. Наш народ глубоко почитает своего героя. Воспоминания о нем и воспевания его подвигов превратились в эпическое произведение — в эпос «Манас». Сегодня можно смело утверждать, что описанным в произведении событиям предшествовали реальные исторические явления.

В 1995 году наш народ отметил 1000-летие эпоса. Еще в 1952 году решался вопрос о праздновании 1200-летия появления эпоса. Выходит, что в VII-VIII веках наш народ уже воспевал своего героя. XX век стал веком изучения и исследований произведения устного народного творчества кыргызов. Первые исследования производились еще в середине и в конце XIX века.

Некоторые исторические события, связанные с изучением эпоса, наводят на множественные размышления. Остановлюсь на некоторых из них.

Первая мировая война, в которой принимала участие Россия, в 1914-1918 годах, гражданская война в самой Советской России в 1918-1920 годах и интервенция «Антанты» в 1920-1922 годах не смогли задуть молодое

советское государство. Они подсказали молодому советскому правительству, что в военной политике государства нужны радикальные реформы, развитие эффективного вооружения для армии и наличие «бессмертных» и бесстрашных воинов для защиты завоеваний Великого Октября.

Несмотря на нестабильность во всех отраслях народного хозяйства, это была первая страна в мире с социалистическим строем. Когда весь мир готов был обрушиться войной на уничтожение очага пролетарского движения, большевикам нужно было создавать Союз Советских Социалистических Республик. И все умы и силы были брошены для этой цели.

По заданию советского правительства вдруг срочно начинают записывать эпос в 1922 году у сказителя-манасчи Сагымбая Орозбакова. Работа по записи эпоса продолжалась целых пять лет, по 1926 год. Из-за болезни манасчи дальнейшие записи приостанавливаются. Но основная часть работы была завершена. Та часть эпоса, которой интересовались спецслужбы Союза, уже была записана.

Для каких целей нужно было спешно записывать народное устное творчество, заниматься его переводом и исследованиями в сложнейшие для молодого советского государства времена? Когда среди народа, уже советского, свирепствовал лютый и безжалостный голод.

Вот здесь-то я заметил какую-то недосказанность в записанных текстах эпоса по варианту Сагымбая. Будто текст эпоса урезан. Он не объясняет появление чудовищного племени сазаншон. Он не объясняет, что стало с этим племенем в дальнейшем.

И буквально через год, в 1924 году, в спешном порядке русский советский ученый-биолог Илья Иванов начнет проводить лабораторные опыты по скрещиванию людей с обезьянами. Для чего? Вопрос напрашивается сам собой. Да. Советскому Союзу нужны были бесстрашные воины, с шестью руками и четырьмя ногами, которые отражены такими в народном эпосе «Манас», чудовища племени сазаншон, что считались «бесстрашными воинами». Они в эпосе приведены как средство и эффективное оружие по завоеванию человечества в руках алчных каганов и ханов того времени. Вот такие воины нужны были молодому Советскому государству, чтобы защититься от внешних врагов. Тогда весь мир был врагом Советского Союза. И запустили проект во главе с Ильей Ивановым, чтобы получить бесстрашного защитника социалистического строя. Это мое мнение. Мне кажется, появление сазаншонов в эпосе урезано. Для каких целей — тоже будто вырезано из текста. Но можно понять по характеристике этих тварей, очень красочно преподнесенных слушателям. Почему удалены эти материалы? Ясное дело. Секретные материалы.

Спецслужбы Союза назвали свои интересы к народному эпосу и свои материалы «Оружие возмездия. Ружье Манаса Аккелте». Хотя в эпосе не было никаких материалов по изучению ружья. Писали, что ружье Манаса легло в основу разработок оружия точечного поражения. Очень странно, во времена Манаса даже не было такого понятия, как «точка». А почему спецслужбы сделали ссылку на это оружие? Ясное дело, прикрыли настоящие цели изучения эпоса.

Мне кажется, в эпосе Сагымбая говорилось о происхождении племени сазаншон. Они могли быть продуктами скрещивания людей и алаткаков (снежные люди, йети), о которых упоминается в эпосе. Возможно, спецслужбы взяли к применению упомянутое положение вещей и прикрыли свой интерес к эпосу ружьем Манаса. Имеется в виду, что они заинтересовались процессом «скрещивания». Они могли при записывании эпоса вырезать материалы по появлению сазаншонов, чтобы этим параллельно не заинтересовались враги Советской власти.

Возникает вопрос, во времена 7-ого века люди могли знать и проводить опыты по скрещиванию животных и людей? Да, смело скажу я, выведением мулов люди занимались еще в 1-ом веке. И вообще, люди занимались скрещиванием животных с момента появления человечества. И самому Эсенкану нужны были воины, которые помогли

бы ему завоевать весь мир. Поэтому он и его ученые создали чудовищное племя сазаншонов, что было вырезано из текста эпоса спецслужбами Союза. Это мое предположение.

Илья Иванов занимался безуспешно семь лет, начиная с 1924 года (видите, записывать начали в 1922 г.) и до 30-х годов, выведением бесстрашных, на мой взгляд, воинов. Они должны были защищать завоевания Великой Октябрьской Социалистической Революции. Семь лет его работа финансировалась советским правительством. Но безрезультатно. С людьми, которые не добиваются результатов, спецслужбы СССР расправлялись очень жестоко. Он умер от инсульта в начале 1932 г., находясь в ссылке в г. Алматы. Неизвестна и причина смерти самого манасчи в 1930 году. И до 1939 года все люди (ученые, исследователи и работники культуры), которые занимались эпосом «Манас», репрессированы и расстреляны по другим обвинениям. Наверное, для того, чтобы они не могли донести до потомков позорную ошибку спецслужбы Союза.

Из всех записанных материалов, в то время только часть текста под названием «Великий поход», где рассказывалось о племени сазаншон, была переведена на русский язык. Но в русском варианте нет ни одного упоминания о таком племени. Это тоже наводит читателя на определенную мысль.

Еще одно обстоятельство с эпосом. По варианту Сагымбая богатырь Манас возвращается из великого похода живым и невредимым. Выходит, он сумел договориться с правителями калмыков, найдя общие точки интересов. Возможно, сам поход Манаса в Бейджин преследовал общую цель всех народов, борьбу против сазаншонов...

Уважаемый читатель! Все секреты прошлых лет уходят в иной мир вместе с теми, кто их создает и соприкасается с такими замыслами. Нам остается только гадать и соображать в силу возможностей своей «логики».

Когда я прочитал книгу «Тенири Манас» Ашыма Жакыпбекова, меня натолкнули на размышления такие соображения: неужели Манас не понимал гибельности своего похода на Бейджин, если он преследовал только одну цель — захватничество ради обогащения или мести, чуждого явления для нашего народа. Прекрасно должен был понимать, имея рядом великого мудреца Бакая и брата Алмамбета. Многие оправдывают его тем, что великие люди совершают великие ошибки, но не могут это доказать. Почему они — великие люди — должны совершать великие ошибки? С такой аксиомой я не могу согласиться.

И тут я начал размышлять и обнаружил, что эпос, возможно, урезан...

...Возможно, Манас совершил поход ради сохранения человечества. А спецслужбы Союза заставили манасчи

умолчать о благородных поступках народного героя ради засекречивания чуждых человечеству замыслов. И с целью скрыть свой позор, что поддались подсказке народного творчества.

Сказители эпоса «Манас» всегда предупреждают слушателей, что половина сказки правдива, а половина ложь. А само сказание предназначено, чтобы утолить духовный голод людей.

Мне жалко тех людей, кто тогда посчитал, что сказка сплошь правдива, хотя их можно понять. Сказитель Сагымбай, говорят, умел покорять сердца и разум слушателей.

Я не люблю выходить к читателям с помощью каких-то рецензий или похвальных высказываний от уважаемых авторитетных людей.

Вы, читатель, являетесь самым авторитетным и уважаемым человеком для меня. Вы, и только Вы можете дать оценку моему скромному труду.

Я прекрасно понимаю, что моя версия не сможет найти поддержку среди нынешних деятелей культуры. Но я всегда буду придерживаться своей точки зрения.

Пусть дух Манаса бережет свой народ и свой каганат!

Пусть дух Манаса бережет и Вас тоже, дорогой мой читатель!

Пусть дух Манаса бережет и нашу планету, как когда-то сам Манас!

Николай Тобош (Камчыбек Тобокелов)

Словарь кыргызских слов

1. Алаткак — дикий человек, снежный человек (йети)
2. Аскербашы — глава войска
3. Желмогуз — чудовище, людоед
4. Калдай — чиновник у калмыков в средневековье
5. Керик — носорог
6. Калча — главный стражник каганата
7. Туменбашы — глава десяти тысячного войска